СТАНИСЛАВ ФЕДОТОВ

ВОЛНЫ Русского океана

Сибирский приключенческий роман

Сибирский приключенческий роман

Станислав Федотов

Волны Русского океана

«ВЕЧЕ»

2018

Федотов С. П.

Волны Русского океана / С. П. Федотов — «ВЕЧЕ», 2018 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-7720-1

В 1867 году Россия утратила Аляску, чуть раньше – Калифорнию и легендарный Форт-Росс, а о Гавайях, чей король просился в российское подданство, никто и не вспоминал. И все это были действия (или бездействия) конкретных лиц, которые, наверное, даже не подозревали о том, что творят иной мир, нежели тот, который мог бы быть. А какие действия тех же (или иных) лиц могли создать условия, при которых северная часть Тихого океана стала бы внутренним Русским океаном, а его берега – русскими берегами?

ISBN 978-5-4484-7720-1

© Федотов С. П., 2018
© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 15
Глава 4 18
Глава 5 20
Глава 6 22
Глава 7 27
Глава 8 30
Глава 9 34
Глава 10 41
Глава 11 47
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Станислав Федотов
Волны Русского океана

Знак информационной продукции 12+

© Федотов С. П., 2018
© ООО «Издательство «Вече», 2018

* * *

Novae occasiones[1]

[1] Роман возможностей (лат.).

Глава 1

Январь 1781 года

20 января, сразу после Богоявления, Григорий Иванович Шелихов заехал к своему компаньону, Ивану Илларионовичу Голикову, поздравить с именинами.

Голиков встретил друга сердешного с распростертыми объятиями, даже не дал скинуть песцовую шубу с собольим воротником:

– Григорий Иваныч, дорогуша, наконец-то! А то приехал в наш стольный город и глаз не кажешь, ничего не расскажешь!

– Почитай, два года дома не был, сам понимаешь – соскучился, дочку впервой увидал… Теперь все расскажу, Иван Ларионыч, с тем и пришел. А пока прими наши семейные поздравления с днем ангела и скромный подарок. От меня и Наташи! – Шелихов вынул из подмышки что-то плоское угловатое, завернутое в кусок узорчатого китайского шелка.

– Что это? – спросил именинник, принимая подарок. – Ух ты-ы, тяжел, однако!

– А ты разверни, глянь, покуда я разболокаюсь.

– Прошка, прими шубу гостя, – рявкнул хозяин, и тут же возникший словно из ниоткуда кудрявый парнишка в белой рубахе и полосатых плисовых портках подхватил сброшенную Шелиховым зимнюю одежу.

Голиков тем временем сдернул с подарка обертку, повернул его к свету и остолбенел: из богатой рамы красного дерева с резными узорами на него смотрела величавая женщина в императорской короне. Точно такой портрет он видел в приемной губернатора, но тот был большой и написан красками, а этот – много меньше и собран из разноцветных дорогих каменьев, потому и тяжелый.

– Мать честная! – наконец вымолвил Иван Илларионович. – Вот это подарок так подарок! Парсуна самой царицы-матушки!

На глаза сорокапятилетнего купца первой гильдии, который, казалось, отродясь не плакал, навернулись слезы.

– Ну что ты, что ты… – обнял его Шелихов. – Вот уж не думал, не гадал, что так близко к сердцу примешь.

– Да как же не принять, Григорий Иваныч! Ведь благодаря заботе ейной, – Иван Илларионович склонил седую голову перед портретом, – я в нотариусы вышел, а теперь и до городского головы поднялся. – И Голиков благоговейно приложился толстыми губами к портрету государыни.

– Ну, насколько мне известно, в нотариусы ты попал еще при царице Елизавете, согласно Указу Правительствующего Сената, а до курского городского головы поднялся своим умом и усердием…

Разговаривая, они прошли в небольшую гостиную. По пути хозяин что-то шепнул вездесущему Прошке, и в соседней столовой зале засуетились, забренчали посудой. Иркутский домик Ивана Илларионовича был невелик, служил лишь для наездов по делам в этот далекий от родного Курска город, но в нем имелось все необходимое для проживания и приема небольшого количества гостей или посетителей – гостиная, столовая, кабинет, спальня, ну и, естественно, кухня, прихожая, веранда да широкий двор с хозяйственными постройками и просторной конюшней, в которой хрумкала сеном и овсом любимая тройка Голикова. Владея винными откупами в обеих столицах и Тобольске, а теперь еще и занимаясь, вместе со своим бывшим (правда, давненько бывшим, еще в Курске) приказчиком Шелиховым, пушным промыслом на островах Восточного океана, Иван Илларионович всюду выезжал по делам на

своих серых в яблоках – двух кобылках и жеребце. Домик и хозяйство обихаживали экономка Агафья, кухарка Лукерья, конюх Фома да «казачок» Прошка. Все местные, все наемные, все усердно-безупречные. По крайней мере, при хозяине.

Семья Ивана Илларионовича, жена и трое детей, постоянно жила в Курске; Шелихов же, будучи сам из Рыльска, полностью уйдя в промысел морского зверя, поселился в Иркутске основательно, с юной женой, внучкой купца-старовера Никифора Трапезникова. Тринадцатилетняя красавица Наташа Кошелева с первого взгляда влюбилась в статного молодого приказчика иркутских предпринимателей Лебедевых. Да и сам Григорий оказался не промах: быстро понял, как завоевать доверие миллионщика Трапезникова – легко, не церемонясь, положил на себя крест двоеперстием[2]. Но не только это «подкупило» старого людознатца Никифора – разглядел он в Шелихове недюжинный ум и хозяйственную хватку и, кроме немалого приданого за любимой внучкой, отписал зятю хороший куш из наследства.

– А чего ж подъехал один, без Натальи Алексевны? – с легким упреком спросил Иван Илларионович.

– Да Анечка малость приболела, а ты же знаешь, как она над дочкой трясется. Так что – не обессудь, дорогой мой заединщик.

– Ну ничё, ничё, Бог даст – все образуется, еще увидимся, почеломкаемся.

– А ты взавтре пожалуй к нам, на мои именины, вот и увидитесь. Да и Анечку тож. Ей же годок через неделю.

– Уже годок! – Иван Илларионович взмахнул руками столь энергично, что прошитая сединой окладистая борода плеснулась волной. – От, времечко-журавель! Летит!

– Ну какой журавель? – усмехнулся Шелихов. – Журавель по весне в одну сторону летит, осенью – в другую. А время – лишь к старости тянет.

– Иван Ларионыч, Григорий Иваныч, прошу к столу. – В дверях столовой залы появилась экономка Агафья, статная краснощекая молодуха в капоте, отделанном кружевами и цветными лентами, с кикой на черных как смоль волосах.

Компаньоны прошли за накрытый на два прибора стол, уставленный блюдами с закусками, штофами с настойками и наливками и прочей мелочью – хрустальными плошками с хреном и горчицей, мороженой клюквой и брусникой, с грибками – солеными да маринованными, с орляком[3] тушеным да колбóй[4] квашеной. Посреди главенствовала плетеная хлебница с крупно нарезанными ломтями недавно испеченного, духмяного ситного хлеба.

– Агафья, садись с нами, – пригласил Иван Илларионович. – Укрась наш суровый мужеский обед своими женскими прелестями.

– Уж вы скажете, Иван Ларионыч, – засмущалась экономка, однако живенько принесла еще один прибор и устроилась на противоположной от хозяина стороне стола.

Голиков разлил всем кедровой настойки, Шелихов поднял свою чарку и встал:

– Сегодня день пророка Иоанна Предтечи, а значит, и день ангела нашего уважаемого хозяина. Я пью твое здоровье, Иван Ларионович, потому как ты в скором времени явишься предтечей нового великого дела.

– Это какого ж дела? – взволновался Голиков. – Чтой-то я не ведаю…

– Выпьем, закусим, и я все обскажу.

Выпили, хорошо закусили, выпили еще по одной, и Григорий Иванович принялся рассказывать.

---

[2] Староверы, или старообрядцы, крестятся двумя перстами, православные – тремя. То есть Шелихов из православия легко перешел в «старую» веру.

[3] Орляк – папоротник. Заготавливают и тушат молодые побеги.

[4] Колбá – черемша сибирская, лук победный.

Начал с того, что уже несколько лет в компании с якутским купцом Лебедевым-Ласточкиным промышлял морского зверя на Курильских и Алеутских островах, да вот недавно разошелся с ним.

– Это какой же Лебедев-Ласточкин? – перебил Иван Илларионович. – Лебедевых знаю, а Ласточкин… – Он хитро прищурил глаз. – Уж не тот ли, что вдову каку-то порешил да и убег с-под суда?

– Вдову задушила ее племянница, Ласточкина там и рядом не стояло, – немного раздражаясь, сказал Григорий Иванович. – Это же давно известно.

– Ну, не знаю, не знаю, – покачал головой хозяин. – Все едино нехорошо пахнет, а купец с этаким душком – компанейщик ненадежный. Да ты и сам так думаешь, не то с чего бы с ним разошелся.

Оказывается, знал, хитрован, что к чему, все знал.

Шелихов налил себе зеленой пихтовой настойки, выпил, ухнул и закусил соленым груздочком.

– Разошелся я с ним, Иван Ларионыч, с того, что тебя соблазнил на общую компанию. Вот мы с тобой два кораблика снарядили – каков прибыток за два года? Без малого полмильёна чистыми. С Ласточкиным такого не было, потому как много времени теряли, возвращаясь в Охотск на зимовку. А я перезимовал на Лисьих островах и выиграл. Да, померли от скорбута[5] и лихоманки десятка полтора людишек, так они знали, на что шли. Сколь промышленных живота лишается и в море – от крушениев, и на берегу – от хворобы и дикарей! Не счесть! А идут и идут – не остановишь! Потому как поживу чуют. Пожива – она ить навроде как дух кровяной для голодного волка! – Шелихов, как бычок, наклонил крутолобую голову, глянул из-под густых бровей, словно примеряясь, на компаньона. Тот терпеливо ждал, жуя кусок пирога с осетровой вязигой. – И компании промысловые плодятся, аки мухи на убоине, – продолжил Григорий Иванович, – и морского зверя бьют подчистую, не думая о дне завтрашнем. А чего им думать? Нынче добудут, сколь смогут, а до завтрева еще дожить надобно: они ж, компании энти скороспелые, столь же споро и распадаются. Вот и надумал я, Иван Ларионыч, что надо нам с тобой, по-перву, новую компанию сварганить с уговором лет на десять, а то и на пятнадцать, чтоб промышленные знали, что без работы не останутся; дале, по-втору, в местах промысловых ставить зимники, а то и поселения, с избами-огородами, пашнями да стадами, чтоб жить семьями, с детишками, а не набеги устраивать… – Шелихов завелся, глаза его засверкали, пальцы на руках непроизвольно сжимались и разжимались, словно он мял глину, из которой лепил свои мечтания. – Церкви наши православные к небу поднимать, школы открывать – и не токмо лишь для русских, а и для местных. Направлять их в нашу сторону, чтоб земля русская имя прирастала… Ну и промысел вести аккуратно, оставляя приплод зверя на вырост и не пущая чужих на свои места. Хозяевами следовает быть, а не разбойниками!

– Хозяевами – это нам по нутру, – ухмыльнулся Голиков. – Как, Агафья, я – ладный хозяин?

Сидевшая тише мыши экономка встрепенулась, зарделась пуще прежнего.

– Вы, Иван Ларионыч, мушшина ладный да складный, – пропела сладким голосом. – На такого хозяина молиться надобно.

– Слыхал? – подмигнул Голиков. – Давай, Иваныч, выпьем за умных женок, то бишь за баб, кои нашей жизнью управляют. Не будь их, разлюбезных, и дела наши шли бы кратно хужей, а не то и вобче бы не состоялись.

– Выпью охотно, особливо за главную нашу управительницу, за матушку-царицу.

Встали, чокнулись, выпили. Дружно взялись за пироги.

Шелихов, надкусив «носик» пирожка, заглянул внутрь, понюхал:

---

[5] Скорбут – цинга.

– О-о, никак с медвежатинкой. Люблю, грешным делом, диким мясом полакомиться. – Подлил масла топленого в «носик» и, задержав прикус, снова глянул исподлобья. – Так что скажешь, Иван Ларионыч?

– Знаю я, почто ты с Ласточкиным расплевался и ко мне прибежал. – Голиков откинулся на спинку стула и огладил бороду. – Секретную царскую экспедицию в Японию обихаживали вместе, а медаль золотую он один получил. Так ведь дело было?

– Так, – неожиданно легко согласился Шелихов. – Но разошлись мы не из-за медали. Пашка не захотел в Америку иттить, а мне на Курилах, знаешь ли, тесно. Мечтания у меня, Иван Ларионыч, – поставить, докуда дотянусь, на американском берегу фактории, стать хозяином, как Ост-Индская компания, и торговать – с Китаем, Японией, с другими южными странами, а там, глядишь, и с Европой. Чтобы корабли мои все моря-океаны бороздили! Чтобы звания «российский купец» и «российский промышленник» во всех землях уважением пользовались! Вот так!

Григорий Иванович снова, не испрашивая, налил себе пихтовой и выпил, а Иван Илларионович снова пропустил.

– Значит, «мне», «меня». «мои» – твои главные мечтания, – молвил он и глянул компаньону глаза в глаза. – А при чем тут Иван Голиков? Али хошь на чужом горбу в рай въехать?

– Так ты ж покудова молчишь. – Шелихов кинул в рот горстку клюквы мороженой и прищурился. – Скажешь «добро», и «мои» мечтания станут «наши».

– Агафья, – сказал хозяин, – ташши горячее. Что там у тебя?

– А пельмешки с дичинкой, – подхватилась экономка. – Лукерья ужо должна сварить. – Выметнулась на кухню и загремела там чем-то металлическим, завыговаривала кому-то.

Шелихов посмотрел ей вслед, опять налил себе пихтовой – уж больно духмяна, живым лесом пахнет. Иван Илларионович присоединился. Чокнулись, выпили, грибками закусили.

– Взять все промыслы в одни руки, стать хозяевами – замануха ладная, – задумчиво произнес Голиков. – Да только кто ж это допустит? Известно ж, тот же Лебедев-Ласточкин сунулся с таким прожектом туда-сюда и получил по сусалам. С чего ты взял, что нам позволят?

– Ласточкин дурочку свалял – себя выпячивал, – спокойно ответил Шелихов. – И на Америку не замахивался.

– А ты, что ль, по-иному мыслишь?

– По-иному. Мы с тобой начнем, и все мелкие компашки-однодневки будем под себя подбирать постепенно.

– А ежели не захотят?

– Будем уговаривать. А не захотят после того – вышибем с промыслов! Я сам пойду в Америку и вот этой рукой… – Шелихов сжал немалый кулак и собрался грохнуть по столу, но тут из кухни выплыла Агафья, неся на вытянутых руках, прикрытых вышитым рушником, большое глубокое блюдо с горой исходящих дурманящим паром пельменей, – и кулак промысловика разжался сам собой.

– Н-да-а, – покрутил головой Иван Илларионович. – Однако мне ндравится. Только у меня условие: племяша моего Мишку берем в учредители.

– Чтобы, в случае чего, числом меня задавить? – усмехнулся Шелихов.

– Не в обиду тебе, Иваныч, ты – мужик хваткий: палец тебе дашь – руку откусишь. А так – кака-никака гарантия…

– Да я не супротив Михал Сергеича, пущай будет. В плавание его с собой возьму. Ты-то не больно любишь по морям шастать. Ну что, тогда по рукам?

Голиков, не торопясь, разлил по чаркам перцовую медовуху, пригубил, почмокал, зажмурившись – вот зараза: пьется, как песня льется, и голова потом ясна, а ноги не держат…

– Ну не тяни, решай, Ларионыч!

– Мой пай наибольший?

– Твой – наибольший, мой – наименьший. По рукам?

– А-а, и лады! По рукам!

Так родилась Северо-Восточная американская компания, которой суждено было начать великое дело созидания Русской Америки. Ее основатели и помыслить не могли, что в этот момент с их легкой руки началось образование нового мира.

Глава 2

Ноябрь 1787 года

На чтение государственных бумаг императрица отводила два часа после завтрака и успевала за это время просмотреть всю кипу писем, прошений, докладных записок, которую каждый день подготавливал секретарь. Но сегодня кипа была отодвинута в сторону, а государыня увлеклась чтением. Перед ней лежала стопа листов, исписанных кудрявым почерком; Екатерина Алексеевна тратила на просмотр страницы не более минуты, после чего лист ложился в другую, постепенно растущую стопку. Когда в кабинет вошел статс-секретарь Безбородко, стопки уже сравнялись по толщине.

– Как почивала, матушка государыня? – Александр Андреевич благоговейно принял для поцелуя руку, протянутую императрицей небрежно, без отрыва от чтения.

– Спала, как мертвая, без задних ног, – откликнулась монархиня.

Все годы пребывания в России немецкая принцесса София Августа Фредерика Анхальт-Цербстская очень старалась быть русской и весьма в этом преуспела, однако так и не смогла избавиться от акцента и не научилась правильно пользоваться русскими пословицами. Но это отнюдь не мешало ей не только пребывать на русском троне, но и в политических спорах с Европой и Турцией представать истинно русской государыней. Да и во внутренних делах – тоже. Граф Безбородко, будучи гофмейстером императорского двора, то бишь человеком, ведавшим всем и вся, прекрасно знал слабости царицы и снисходительно к ним относился. Иногда деликатно поправлял, иногда подсказывал, но никогда не позволял себе даже скрытой усмешки над ее ошибками. И не потому, что боялся за свое положение, – императрица была женщиной веселой и смешливой и в узком кругу допускала подобные вольности, – просто граф искренне ее любил и глубоко уважал.

Вот и сейчас, наедине, он счел возможным поправить:

– Либо то, либо другое, Ваше Величество. Вместе – так не говорят.

– Ладно, Александр Андреевич, учту. Скажи лучше: ты знаешь такого сибирского зверопромышленника – Шелихова Григория?

– Слышал, – осторожно ответствовал гофмейстер. – А что тебя интересует, матушка государыня?

– Да вот читаю… Генерал-губернатор иркутский Якобий прислал «Записку» этого самого Шелихова. Как же она называется? – Екатерина выдернула из-под стопы лист и прочла с выражением: – «Российского купца именитого Рыльского гражданина Григория Шелихова первое странствование с 1783 по 1787 годы из Охотска по Восточному океану к Американским берегам». Так вот, сей купец не токмо пишет о промысле морского зверя, но и ратует за колонизацию открытых земель, присоединение их к нашей империи. Описывает климат, географию, население тех мест, сообщает об закладке постоянных поселений, крепостей, об опытах землепашества и скотоводства, о дружбе с какими-то конягами, о торговле… Представляешь, граф, он там уже школу открыл для детей этих диких американцев и учит их русскому языку. Каков молодец! «Записку» его надо издать книгой, чтобы все знали, какие в России патриоты водятся. А самого купца вызвать в столицу и наградить достойно.

– С тем я и пришел, Ваше Величество, – оживился граф. – Григорий Шелихов и его компаньон Иван Голиков находятся в столице и просят высочайшей аудиенции для представления своего прожекта об устройстве американских колоний. Прожект поддерживают иркутский генерал-губернатор и Берг-коллегия.

Чрезвычайно удивленная императрица уставилась на гофмейстера:

– Так-так-та-ак… Весьма, весьма любопытственная информация, граф. Не сочти за труд объяснить сей ангажемент?

– Не было ангажемента, матушка, – тут же стушевался Безбородко. – Полное самодействие купцов.

– Удивлюсь, если они уже не ждут в приемной, – язвительно сказала императрица, в упор глядя на гофмейстера. – Али не так?

– Поражен твоей проницательностью, государыня, – развел руками тот. – Истинно так.

– Во-от, – смеясь, погрозила пальцем Екатерина. – От меня ничего не скроешь. Ладно, зови. Приму вне очереди. Хотя… погоди, – остановила она двинувшегося к дверям статс-секретаря и взяла другой лист. – Якобий пишет, что купцы на обследование Алеутских островов потратили двести пятьдесят тысяч рублей и надо бы их вернуть из казны…

– Точно так, Ваше Величество, – поклонился Безбородко. – Коммерц-коллегия с этим согласна.

– Еще чего! – возмутилась императрица. – Светлейший князь Григорий Александрович города в Тавриде ставит, корабли Черноморского флота строит, на носу новая война с Турцией, и Швеция также ведет себя подозрительно – всюду деньги нужны, в казне днем с огнем шаром покати, а им – двести тыщ! Нет, нет и нет! Да, еще… Из «Записки» я поняла, что господин Шелихов жаждет монополию основать для своей компании, якобы с ней порядка больше будет. Так вот, граф, заруби им на носу: частные монополии противны моим правилам, пущай компании частные конкурируют промежду собой, а монополия может быть лишь государственной.

– Как я понял, матушка, ты им в аудиенции отказываешь?

– Да, пожалуй… сегодня я их не приму, пущай ждут решения. А за их заслуги вручить каждому по именной медали и по шпаге, украшенной бриллиантами. Передай это графу Воронцову. И чтоб создали комиссию специальную, дабы обсудить возможности плавания и коммерции в Тихом океане и Америке, и заключение оной комиссии передать мне. Без промедления!

Комиссия в составе президента Коммерц-коллегии графа Александра Романовича Воронцова, действительного тайного советника Петра Александровича Соймонова и сенатора графа Христофора Сергеевича Миниха заседала долго – целый день, с перерывами на чаепития, на обед и послеобеденный отдых. И не потому, что кто-то из них сомневался в пользе для государства шелиховского предприятия, – в этом вельможи были единодушны, – нет, обсуждали они, как бы поделикатней изложить свое заключение, дабы государыня прониклась важностью далеко идущих последствий прожекта и не отвергла его.

– Надо же! Двести тыщ для великого дела жалко! – сокрушенно восклицал время от времени граф Воронцов. А единожды добавил: – А на Мамону золотой дождь льется. Тоже мне, Даная мужеского полу[6].

– Осторожно, граф, – предостерег Соймонов. – Стены у нас ушастые.

– Вот за твой язык, Александр Романыч, тебя и держат от двора подале, – добавил Миних. – Глядишь, отправят в деревню куковать.

– Дался вам мой язык! – досадливо махнул рукой Воронцов. – О государыне у меня и мыслишки худой нету, а Мамона… что Мамона!.. Нынче есть, завтра – фьють!.. – Граф провел раскрытой ладонью по лицу, будто снимал паутину. – Давайте, господа, заключение составлять, а там – будь что будет. В конце-то концов должна государыня понять, что компания вернет просимые деньги с лихвой и прибылью для казны. А нам интересы Отечества блюсти – это ли не честь?!

Комиссия поддержала действия Шелихова и Голикова по освоению Алеутских островов и побережья Аляски, признала справедливыми затраты их компании и рекомендовала

[6] Мамоной при дворе называли фаворита императрицы А. М. Дмитриева-Мамонова. «Даная с золотым дождем» – картина Тициана. На ней изображена дочь царя Аргоса, к которой явился Зевс в виде золотого дождя.

выдать купцам из казны двести тысяч рублей на двадцать пять лет в виде беспроцентной ссуды: «Таковое со стороны казны знатное пособие подаст способ совершить ими начатое, возвратить им употребленные капиталы, а при том, сверх распространения державы Вашего Величества, казна получит от сбора пошлин и десятин приращение доходов, а частные люди приумножение торговли и промыслов»[7].

Прожект Шелихова предполагал распространение русской колонизации в Америке на юг до сорокового градуса, до Испанской Калифорнии, комиссия же считала нужным ограничить продвижение пятьдесят пятым градусом, от которого сподвижник Беринга, командир бота «Святой Павел» капитан-командор Чириков начал свое исследование американского Северо-Запада: «Сие обстоятельство может служить опровержением всех притязаний других держав на земли к северу, от сказанного градуса широты находящиеся, кои по праву первого открытия беспрекословно принадлежат владению Вашего Величества. Таковое в пределах ограничивание, на самой строгой справедливости основанное, будет правилом умеренности и для других держав, к таковым заведениям на американском берегу приступающих, ежели не похотят подвергнуть себя следствиям неприятным».

Императрица была крайне недовольна выводами комиссии и, повторив статс-секретарю и гофмейстеру Безбородко прежние слова об отсутствии в казне денег и неприятии частной монополии, собственноручно начертала на докладе: «Что оне учредили хорошо, то говорят оне, нихто тамо на место не освидетельствовал их заверение… Многое распространение в Тихое море не принесет твердых польз. Торговать дело иное, завладеть дело другое».

– Облом, Иван Ларионыч, – сказал Шелихов, когда они вернулись в гостиницу после вручения медалей и шпаг. – Самим придется управляться с конкурентами.

Конкурентов было немало, но главным среди них противником был недавний друг и компанейщик Павел Семенович Лебедев-Ласточкин, которого следовало низвергнуть в первую очередь. Его промысловые отряды уже успели перейти с Курил на Алеуты и дальше – на матёрую Аляску. Крепостей не ставили, старались блюсти указание императрицы в отношении аборигенов: «Курильцев оставить свободными и никакого сбору с них не требовать, да и впредь обитающих там народов к тому не принуждать, но стараться дружелюбным обхождением и ласковостью для чаемой пользы в промыслах и торговле продолжать заведенное уже с ними знакомство». Указание, правда, было дано Сенату, однако через него – и промышленникам, и, надо понимать, не токмо про курильцев.

– Не впервой, Гришаня, управимся. А у государыни-матушки, по сему видать, советники-то умишка невеликого: недотумкали, что свято место пусто не бывает…

– Вот-вот… Я за те годы, что в Америке промышлял, насмотрелся на охочих до «святых мест». С Лаперузом знаменитым встречался, который, говорят, потом пропал в южных морях. Хитрова-ан француз! Вроде бы проход прямой искал из Тихого океана в Атлантический, а сам в устья рек заглядывал. Ну какой может быть проход меж океанами по рекам, а?

– А что, не может? – простодушно вопросил Иван Илларионович.

Шелихов только рукой махнул:

– Не морской ты человек, Ларионыч.

– А чего ж он тады искал?

– Разведкой занимался. Меня выспрашивал о гаванях удобных, о местах, бобром изобильных, да в дела наши норовил свой длинный нос засунуть…

– Ну?!

– Дуги гну! Не на того напал! Ну да ладно, Лаперуз был да сплыл, а нам, Иван Ларионыч, об своем надобно умишко раскидывать. Моими наездами в Америку с конкурентами не

[7] Цитаты здесь и далее даются в современной орфографии. – Примеч. автора.

совладать – там постоянный приказчик нужон, чтобы всё в одном кулаке зажал, и кулак тот чтоб железным был!

Голиков горестно головой покрутил:

– Да где ж его, такого-то, найтить? А ежли и найдем, так ить воровать будет.

– Ну, кто у власти, – все воруют, – усмехнулся Шелихов. – На Руси спокон веку так заведено. Тут ведь главное не то, что ворует, а то – как ворует и как при том с порученным делом управляется. Ловкий вор ловок во всем и, глядишь, пользы более приносит, чем вреда! А тот, кто лишь в свой карман тянет, – просто глуп и стоит того, чтоб его плетьми драли да ноздри рвали. Но… но есть у меня, Ларионыч, на примете человечек, который нам подходит по всем статьям. В воровстве не замечен, а дела торгово-промышленные ведет ловко – и в столицах, и в Сибири. Вот прикупил недавно два заводика в Иркутске…

– И кто же этот ловкач?

– Купец каргопольский Баранов, почетный член Вольного экономического общества…

– И за каким, спрашивается, хреном столь успешному купцу иттить в приказчики, да еще и ехать в даль кромешную? – усомнился Иван Илларионович.

– Дак он и не хочет. Пока не хочет… – хохотнул Григорий Иванович. И тут же посерьезнел, глянул с острым и даже хищным прищуром: – Только сдается мне, что компания его вскорости прогорит, и Александр Андреич свет Баранов примет мое предложение.

– А ежели не прогорит?

– Поможем.

– Ну ты и гусь, Григорий! – Голиков и сам горазд на всякие хитроумные уловки, но такие подножки были ему как-то не по душе. А Шелихов на его укоризну лишь ухмыльнулся. – Позволь, позволь, а как же Евстратий Иванович? Его куда? Ты ж сам его два года как от Панова переманил?

– Деларов не пропадет. Вернется на свою шхуну. Семь лет водил «Святого Алексея» и еще поводит. Слабоват он для обуздания конкурентов. Слабоват! Там ведь и в людей стрелять приходится, и приказы жестокие отдавать.

– А Баранов сможет?

– Он – сможет!

Глава 3

Июль 1795 года

– Григорий Иваныч, тут к вам курьер с презентом от господина Демидова. – Голос лакея Тимошки подрагивал, и сам он из боязни едва не приседал: у хозяина в разгаре праздник – дочка старшая, четырнадцатилетняя Анюта, шутка ли, дворянкою стала, обвенчана с сыном председателя губернского суда, подполковником лейб-гвардии Измайловского полка в отставке Николаем Петровичем Резановым, – а тут какой-то курьер с презентом, можно и по шее ни за что ни про что схлопотать.

– От Демидова? Николая Никитича? Веди его сюда! – Шелихов обнял за плечи сидящего рядом красавца лейб-гвардейца. – Вишь, Николай Петрович, какие люди нам презенты шлют? Действительный камергер двора Ея Величества уважение оказывает!

Говоря, Григорий Иванович обвел быстрым взглядом гостиную залу, заставленную столами с яствами и напитками – и то и другое весьма энергически поглощалось гостями, среди которых были главы всех именитых иркутских семейств; задержался на молодом великоустюжском купце Михайле Булдакове, который любезничал с дочкой Авдотьей (подумал: вот еще один жених; жаль, наследника нет, сын Мишатка во младенчестве помер, но теперь надежда заимелась, что девки не подкачают); улыбнулся свату Петру Гавриловичу Резанову, а заодно и сидящей рядом с ним своей супруге, верной Натальюшке (как-никак два десятка лет рядом, бок о бок, и не только в постели, а и во всех походах и делах, первая русская женщина в Америке, основательница первой школы для алеутов, сама же их и учила…); успел ободряюще подмигнуть новобрачной, дитятку любимому, рожденному на диком Командорском острове в первую зимовку по пути в Америку, и снова обернулся ликом к Николаю Петровичу.

– Подумаешь, камергер! – слегка заплетающимся языком отвечал зять. – Я, Григорий Иваныч, в его годы отвечал за безопасность государыни в путешествии в Тавриду и вполне мог стать ее *другом сердешным*… – Последние слова Резанов произнес почти шепотом, с придыханием и в избытке почтительности уронил слезу на бархатный камзол тестя.

– Ну и дурак, что не стал, – неожиданно рубанул Шелихов. – С твоим-то умом мог бы большие пользы принести матушке-государыне.

– Но тогда бы я не встретил Анечку, солнышко мое… – Николай Петрович подхватил за локоток легкую ручку сидящей рядом раскрасневшейся юной жены, другой рукой взялся за пальчики и начал их по порядку целовать. Анна Григорьевна восторженно глянула на отца и приложилась губами к затылку мужа.

– Как знать! – пробормотал в спину зятю Шелихов. – Прислал же тебя Зубов ревизовать нашу компанию… Ну да ладно, вон курьер явился, потом договорим.

А что, собственно, договаривать? Мог, конечно, Резанов стать продолжателем дел светлейшего князя Потемкина, но ему-то, Шелихову, что с того? Хотя… с другой стороны, ревизия Николая Петровича показала, что он поддерживает американские прожекты Шелихова и готов по ним высказать в столице свое мнение… однако будет ли от того польза? Как бы случаем не навредить Северо-Восточной компании, которая, несмотря на запрет монополии, потихоньку-полегоньку подбирает под себя мелких промышленников, год от года становясь богаче и сильнее.

Шелихов поднялся из-за стола навстречу молодому черноволосому человеку в запыленном мундире фельдкурьера. Кожаную дорожную шляпу тот держал под мышкой, а на вытянутых руках его лежал объемистый сверток.

– От самого Николая Никитича Демидова? – на всякий случай поинтересовался Григорий Иванович.

– Так точно! – гаркнул фельдкурьер.

– А тебя как звать-величать? – спросил хозяин, принимая сверток.

– Поручик Гаврила Харитонов, сударь.

Шелихов обернулся к столу.

– Николай Петрович, окажи честь посланцу, поручику Харитонову, налей чарку кедровой, и кто-нибудь усадите нежданного гостя за угощение. – Проговорил, а сам тем временем развернул обертку – кашемировый цветастый платок, из-под которого вынырнул резной ларец красного дерева. – Ух, ты-ы, лепота! – Открыл. В ларце лежала огромная шишка с пучком листьев, жестких даже на вид. В нос ударил одуряюще-сладкий запах. – Однако ананас!..

Григорию Ивановичу вдруг стало нехорошо: лицо поручика расплылось в пятно, голова закружилась, затягивая в это кружение фигуры гостей и все убранство пиршественного стола; Шелихов пошатнулся, уронил презент и обвис на руках подскочивших слуг. Он не видел и не слышал, как после слов про чарку для поручика зять поднялся во весь свой лейб-гвардейский рост, с недоумением всматриваясь в фельдкурьера и медленно произнося: «Ты – поручик Гаврила Харитонов? А ведь врешь, сукин сын!» Как, заметив дурноту тестя, Резанов рявкнул, указывая на фельдкурьера: «Взять мерзавца!», а тот вдруг выхватил какую-то штуку, напоминающую кавалерийский пистолет, только с несколькими стволами, и выстрелил в воздух. Как, видя это, все испуганно отхлынули от поручика, а тот усмехнулся, сказал что-то вроде «Well, I'm done»[8] и спокойно вышел из залы. Удаляющийся перетоп копыт оповестил о том, что курьер отбыл восвояси, но это вряд ли кто заметил: все были заняты обеспамятевшим хозяином.

Григорий Иванович умер на следующий день, 31 июля, в день святого Георгия Победоносца. Ученый лекарь признал отравление неизвестным ядом. Оказалось, Резанов лично знал поручика Харитонова, а посланец оказался подменышем. Его, кстати, не поймали – как сквозь землю провалился мерзавец, – и кто и зачем обрек на смерть знаменитого промысловика, осталось неразгаданной тайной. Правда, фраза, сказанная «поручиком» по-аглицки, вызвала предположение Резанова, что заказали убийство конкуренты Григория Ивановича из Компании Гудзонова залива, с коими случались на Аляске весьма и весьма крутобранные стычки (что греха таить – доходило и до перестрелок, после коих британцам волей-неволей приходилось убираться), однако сказанное к делу не пришьешь – могло и послышаться. А уж винить в злонамерении Николая Никитича Демидова, богатейшего промышленника, хозяина уральских заводов, покровителя искусств, камер-юнкера и прочая, и прочая, никто бы и помыслить не посмел, да и знали все об особом его благорасположении к смелому и предприимчивому сибирскому предпринимателю.

«Все в руках Божьих», – говорили промеж собой купцы-промышленники, неприкрыто дивясь, как был сбит на взлете столь могучий орел, и, наверное, потому Господь всемилостивый дал умирающему силы и время, чтобы поведать наследникам, может быть, самое важное слово.

Впав в беспамятство на свадьбе, Григорий Иванович очнулся через полсуток, увидел возле постели склоненную в молитве жену, Наталью Алексеевну, дочерей, а чуть поодаль – новоявленного зятя и молодого купца приближенного, Михайлу Булдакова.

– Наталюшка… – позвал слабым голосом.

Наталья Алексеевна радостно вскрикнула и припала с поцелуями к его большой, обычно крепкой, а сейчас вялой, расслабленной руке.

Зашевелились, оживляясь, и все остальные.

– Умираю я, Наталюшка…

[8] Ну вот, я свое выполнил (англ.).

– Нет, нет! Ты будешь жить, сокол мой ясный, – захлебываясь слезами, говорила верная подруга, мать его любимых детей, надежная помощница. – Ты встанешь, мы с тобой еще сплаваем…

– Помолчи, – остановил муж. – Времени моего мало осталось. Надо бы исповедаться да причаститься… Пошлите за отцом Иннокентием. Наиглавнейший грех камнем на груди лежит – может, Бог его снимет… – Григорий Иванович не стал уточнять свой грех при детях, а тот был, и верно, велик: отражая на Кадьяке нападение аборигенов, он со своими людьми безжалостно убил около тысячи человек и столько же взял в заложники. Это при указе-то государыни ласково обращаться с местными! Передохнул, подождал, скажут ли чего наперсники – те промолчали. После чего добавил: – А я пока с зятьями перетолкую.

– С зятьями? – встрепенулась непонимающе Наталья Алексеевна.

– Да, матушка, с зятьями. Ты давай не медли, Авдотьюшку за Михайлу выдавай – будет тебе надёжа и опора. Николай, Михайла, – позвал умирающий слабым голосом, но они услышали, подошли. – Полюбил я вас, полюбите и вы семью нашу. Поклянитесь, что ни в беде, ни в радости не оставите мою Наталью с детьми…

Григорий Иванович даже приподнялся на локте, всматриваясь в лица молодых людей.

Резанов и Булдаков переглянулись и, кивнув, твердо сказали:

– Клянусь!

Каждый вроде за себя, а вышло – вместе, складно и ладно.

Шелихов опустился на подушки, поманил пальцем поклявшихся – те склонились над ним и услышали горячий шепот:

– Управлять компанией будет Наталья. Ей, матушке, все до тонкостей ведомо. И вас благодарностью не обойдет.

Шелихов не случайно дважды назвал жену «матушкой». Так Наталью Алексеевну называли все служащие компании – твердой рукой она управляла делами в отсутствие мужа, но и, когда нужно, ласковой была, как родная матушка.

– Гильдия ее не признает, Григорий Иваныч, – мотнул головой Михайла Булдаков. – И Коммерц-коллегия не утвердит.

– Сам знаю. А вы поспособствуйте, чтоб признали и утвердили.

Время Шелихова заканчивалось, он начал задыхаться. Явившийся наконец отец Иннокентий едва успел его исповедовать, снял тяжкий грех, освободил душу перед уходом в мир иной, а вот обряд елеоосвящения проводил уже над телом бездыханным, что усопшему, в общем-то, было ни к чему.

Глава 4

Декабрь 1796 года

Внезапный насильственный уход Григория Шелихова не подорвал позиции компании, но сложности проявились довольно скоро.

Все приказчики признали «матушку» Наталью Алексеевну полноправной хозяйкой, к такому же решению пришел Иркутский городской магистрат, но купцы, как и предполагал Михайла Булдаков, заартачились. Кто-то не желал «видеть бабу» в своих рядах, кто-то недолюбливал семью Шелиховых, а кто-то рассчитывал и поживиться, участвуя в ожидаемом развале богатой компании. Однако тучи над Натальей Алексеевной сгустились не с этих сторон. К тому времени в городе сложилась партия сторонников слияния компаний в крупный союз во главе с миллионщиками Николаем и Петром Мыльниковыми. Голиков испугался, что Иркутская коммерческая компания, объединявшая промысловые предприятия Мыльниковых, Ларионовых, Мичуриных, Дудоровских, проглотит Северо-Восточную «с косточками», потому поспешил изъять из американской свою долю и метнуться под крыло более сильных. Попросту говоря, предал своих товарищей. И тогда Наталья Алексеевна собрала семейный совет, пригласив обоих зятьев, заметно укрепивших свое положение. Николай Петрович Резанов получил ключ камергера, пользовался при дворе нового императора заметным влиянием, а купец первой гильдии Михайла Матвеевич Булдаков приобрел в промышленной среде немалый вес и авторитет. Он-то и подсказал вдове Шелихова беспроигрышный ход:

– Тебе, матушка, надобно к Мыльниковым прислониться. Предложить объединить капиталы их Иркутской и твоей Северо-Восточной. Не все, конечно, а в определенной пропорции. Самой дела не сдавать, но добровольно уйти на вторую линию. Николай Прокопьевич как старшой любит поперёд всех красоваться – и пусть! Будь похитрее, потрафь его самолюбству, поклонись отцу родному, и тогда нам никакие конкуренты не страшны. Поняла, что к чему? – Наталья Алексеевна кивнула: как, мол, не понять, всю жизнь в одном казане да на одном костре варимся. – А у тебя, Николай, – обратился Михайла к свояку, – задача особая. Ты теперь при дворе, и тебе надобно устав для новой объединенной компании загодя составить да указ императорский, утверждающий эту компанию, подписать.

– Но ведь государыня отказала Грише и Ивану Ларионычу, – напомнила Наталья Алексеевна.

– Так то государыня, – возразил Николай Петрович, до того молча внимавший словам свояка. – А государь наш исправляет ошибки матушки, вот и надобно представить ее отказ как происки, допустим, «князя тьмы». Его Павел Петрович так ненавидит, что готов все им содеянное изничтожить.

– Это какого же «князя тьмы»? – удивилась Наталья Алексеевна.

– Светлейшего Григория Александрыча Потемкина, – вздохнул Резанов. – Редкостного государственного ума был человек, да вот не уважил наследника, а тот зело памятлив.

– Зачем же подставлять хорошего человека? – рассердилась Шелихова.

– Не подстава это, матушка, а хитрый ход, – возразил Булдаков. – Покойному светлейшему мы ничем не повредим, а для Григорияиванычева дела польза может быть преогромнейшая. То ж его золотое мечтание – основать Русскую Америку.

– Да-а. – Глаза Натальи Алексеевны затуманились слезой: любимый муж не уходил из ее памяти. – Что ж, так и поступим.

– Еще добавлю, матушка, – заторопился Резанов. – Как сговоритесь с Мыльниковым, тебе самой следует в Санкт-Петербург поехать, с письмом о заслугах Григория Иваныча, к

царю аудиенцию выпросить. Я в этом поспособствую, и письмецо мы с Михайлой составим со всеми атрибуциями.

Наталья Алексеевна не просто последовала умному совету Булдакова, она выбрала самое удачное время для визита к старшему Мыльникову – в день именин его среднего сына Якова – и, зная, что отец впервые отправляет своего любимца на промысел, преподнесла виновнику события в дар двадцать тысяч рублей «на обзаведение».

Дар был оценен по высшему разряду. Николай Прокопьевич, оглаживая роскошную черную бороду без единого седого волоса, пригласил гостью в кабинет на рюмочку ликеру.

– Так в чем нужда твоя, разлюбезная Наталья Алексевна? – без предисловий и обиняков вроде бы ласково спросил хозяин, усадив Шелихову на диванчик возле низкого столика и грузно опустившись рядом.

Она ласковости не поверила, но виду не подала.

Слуга принес на серебряном подносе две рюмки золотистого напитка и ароматный кофий в китайских чашечках с блюдцами и маленькими позолоченными ложечками. В серебряной сахарнице горкой возвышался мелко колотый сахар.

Хозяин поднял хрустальную рюмку, приглашая. Чокнулись, пригубили сладко-жгучей жидкости, глотнули, запивая, крепко заваренного кофия.

Мыльников вопрошающе глянул из-под кустистых бровей – светлые глаза были как обтаявшие льдинки. Наталья внутренне поежилась, но – делать нечего, надо решаться.

– На поклон я пришла, батюшка, – потупилась Шелихова, вполне естественно залившись краской смущения, отчего недоверчивый купец даже крякнул и невольно расслабился.

Выслушав предложение наследницы немалого капитала, помолчал, покачивая лохматой головой, видимо, прокручивая мысленно возможные последствия, потом вновь приглашающе поднял рюмку:

– Твое здоровье, соблазнительница! – И высверкнул голубоватыми огнями из-под нависших бровей. Похоже, одобрительно.

Однако заметил:

– А кто даст привилегию, что объединенная компания получит одобрение в столице?

– Мой зять Николай Резанов близок ко двору и берет на себя эту задачу.

– А-а, этот лейб-гвардеец? Сын нашего председателя гражданской палаты?

– Он, Николай Прокопьевич, не токмо сын председателя суда и лейб-гвардеец, – чуть заметно усмехнулась Наталья Алексеевна. – Николай Петрович заведовал канцелярией статс-секретаря императрицы, и Божией милостью государь наш новый к нему благоволит. Зятья мои ныне бумаги скрупулезные составляют, дабы дело компанейское все рогатки без сучка-задоринки прошло.

– А в народе слушок ходит, – осклабился Мыльников, – будто зятек твой Резанов Григория Иваныча и порешил, чтобы капитал евойный хапнуть…

– Клевета! – неожиданно сурово перебила Шелихова. – Николай при свидетелях отказывался от доли в наследстве, что ему Григорий Иванович отписал, и лишь по моей великой просьбе согласился. Среди нас, купцов, таких честных и порядочных с фонарем поискать и то вряд ли сыщешь. А уж какая от него польза в столице, ты сам вскорости увидишь и поймешь. Конечно, ежели твое согласие будет на объединение.

– Лады, матушка, – открыто засмеялся Мыльников. – Так тебя, кажись, кличут в вашей компании. А то, что за своих горой стоишь, мне – по сердцу.

Глава 5

Весна 1797 года

Союз Северо-Восточной американской, Курильской, Северной и Иркутской коммерческой компаний основатели назвали «Американской Голикова, Шелихова и Мыльникова компанией»; с этим новым прожектом Резанов и вышел на Коммерц-коллегию. А еще он привез в Петербург Наталью Алексеевну с подробной запиской о заслугах семьи Шелиховых перед государством Российским. Записку эту также представили в коллегию, ее увидел граф Николай Петрович Румянцев, недавно назначенный одним из директоров Вспомогательного для дворянства банка и, моментально уяснив важность новой компании для благополучия вверенного ему финансового учреждения, использовал все свои возможности, чтобы устроить Резанову и Шелиховой аудиенцию у императора. А возможности у него имелись весьма основательные, поскольку граф был в дружеском расположении Павла Петровича уже многие-многие годы.

Император принял и обласкал вдову знаменитого первопроходца и промышленника, именным указом даровал ей и всему шелиховскому потомству дворянство, а вот дать объединенной компании монопольные права на колонизацию Америки поостерегся. Последовал вкрадчивому совету своего лейб-оператора Джеймса Уилли, который во время аудиенции совершал массажные манипуляции на спине монарха.

– Ваше Величество, – говорил молодой медик, разминая мышцы государевых плеч, прикрытых белою рубашкой тонкого полотна, – я дерзну вам напомнить, что Аляска фактически – часть Канады, а Канада принадлежит Великобритании. Россия вступила в антифранцузскую коалицию, в которой главную роль играют ваша и Британская империи. Так нужны ли трения между великими державами из-за какой-то промысловой компании?

Говорил по-английски, чтобы не поняли те, кому это знать необязательно, но для слуха императора его произношение показалось каким-то странным, искаженным, вернее даже очень упрощенным. Обычно медикус говорил по-русски, конечно, с ужасным акцентом, но от своего родного он отказался, заявив при поступлении на службу, что хочет овладеть языком его новой родины в совершенстве и потому просит говорить с ним только по-русски. Это всех устроило, в том числе и семью императора, но сейчас, услышав его речь, Павел Петрович весьма удивился: образованный англичанин, ну, ладно, пусть шотландец, учился в Эдинбургском университете, а говорит… как-то простовато… то ли по-крестьянски, то ли по-бродяжьи… Весьма и весьма странно… Однако это можно будет выяснить потом, главное – суть!

– С компанией вашей разберемся позже… при случае… – сказал император аудиентам. – А теперь ступайте. С Богом!

Резанов английский знал и, выйдя от государя, хотел было перевести слова лейб-оператора матушке, с усмешкой оговорив, что тот забывает родной язык, однако Наталья Алексеевна оборвала зятя на полуслове:

– Я, Николаша, все поняла. И даже лучшей, чем ты. Медикус говорил на языке американских трапперов[9], а я с ними на Аляске насобачилась – и дралась, и обнималась. Откуда тут взялся траппер, не моего ума дело, – меня тревожит судьба нашего прожекта. За дворянство мы, конечно, их величеству благодарствуем, однако он про случай сказал – так ты энтот случай не упусти. Ни в коем разе!

Случай представился, когда от фельдмаршала Суворова, командующего русским экспедиционным корпусом в Северной Италии, в столицу примчался курьер с триумфальным изве-

[9] Тра́ппер (от англ. trap – «ловушка») – охотник на пушных зверей в Северной Америке.

стием о разгроме французских войск на реке Треббии. В этом сражении генералы Макдональд и Моро потеряли убитыми, ранеными и взятыми в плен половину своей объединенной армии, почти 23 тысячи солдат.

Итальянский поход Суворова обходился российской казне в копеечку. Поэтому сердце императора терзали два противоположных чувства – гордость за блестящие победы русского оружия и тревога от докладов государственного казначея, временами тянущая к тихой панике. На этот раз в пространной реляции полководца император узрел упрек в недостаточном снабжении корпуса и разразился столь яростными, с пеной на губах, выпадами по адресу Австрии, с превеликой леностью выполняющей свои обязательства, и Англии, втянувшей Россию в ненужную русским бойню, что некоторые придворные сочли всплеск негодования монарха эпилептическим припадком. Граф Румянцев, отставленный от службы вследствие придворных интриг, уже собирался отбыть за границу, но, прослышав про этот казус и неплохо зная характер Павла Петровича, сразу понял, что император готов досадить Англии, а вкупе с нехваткой денег, вполне может одобрить американскую компанию Шелихова. Граф немедленно послал за Резановым и вместе с ним помчался к адмиралу Кушелёву, которого в предыдущем году сменил (правда, ненадолго) на посту директора департамента водных коммуникаций и с той поры с ним приятельствовал. Благо и повод имелся подходящий: адмирала следовало поздравить с назначением на пост вице-президента Адмиралтейств-коллегии, тем более что без помощи Адмиралтейства заниматься колонизацией новых земель будет тяжело даже большой компании.

– Вот не знаем только, как подступить к государю с прожектом, – посетовал Николай Петрович, представив Резанова и рассказав Кушелёву о лелеемых планах и давнем отказе императора в поддержке компании. – Правда, то был не совсем отказ: отложили до иного случая, – но всем ведомо, что Его Величество не любит возвращаться назад. А мне, как ты знаешь, с недавних пор путь к государю закрыт. Так не подскажешь ли, как быть, любезный Григорий Григорьевич? Ты же с ним уже много лет в отношениях более чем дружеских. Любимец, можно сказать…

Они сидели в библиотеке, пили кофе с ямайским ромом, до которого адмирал был большой охотник, покуривали. Седовласый и уже лысеющий, несмотря на свои сорок пять лет, Григорий Григорьевич сгорбился в креслах, опустив плечи, и задумчиво посасывал пенковую трубку, пуская из ноздрей крупного носа голубоватые струйки дыма. Пауза затянулась, но граф и камергер терпеливо ждали, дымя ароматными сигариллами.

– Сегодня, – заговорил, наконец, адмирал, вынув трубку изо рта и почесывая мундштуком переносицу, – лично вручая указ о назначении, государь пригласил меня завтра к обеду. Он весьма озабочен оскудением денежной кладовой, и я попробую замолвить словечко о вашем прожекте под тем румбом, что американская компания значительно увеличит поступления в казну. Так?

– Истинно так, Григорий Григорьевич! – воскликнул граф. – Постарайся, замолви, а там и сам станешь первым акционером новой компании. Да и императорская фамилия будет весьма желанна в качестве акционеров с привилегиями.

Слова нужные были сказаны, только так уж на Руси повелось: от слова до дела семь верст киселя хлебать. Вот и с компанией получилось то же.

Глава 6

Июнь 1799 года

Павел Петрович с детства поверил в нумерологию. Это случилось, когда у него появился новый наставник, толстый и жизнерадостный Никита Иванович Панин, сменивший «сухаря» Федора Дмитриевича Бехтеева. Федор Дмитриевич был приставлен к четырехлетнему великому князю с заданием от императрицы Елизаветы Петровны «внушить воспитаннику», что он – будущий мужчина и государь. Бехтеев оказался учителем занятным: через игру в солдатики он быстро обучил царственного мальчугана читать и писать по-русски и по-французски, а также арифметике. Живой и сообразительный ученик мог часами разыгрывать сражения костяных гренадеров и мушкетеров на большой карте Российской империи, в свободном углу которой учитель сделал каллиграфическую надпись: «Здесь видишь, государь, наследство, что славные твои деды победами распространяли». Федор Дмитриевич обожал воинские уставы, приказания, дисциплину, внушал ученику, что без таковых знаний настоящего царя из него не получится, и, надо сказать, весьма в этом преуспел. Однако матушка императрица, побывав на одном занятии, выразила неудовольствие «муштрой ребенка» и заменила учителя.

Никита Иванович, уже тринадцать лет подвизавшийся на дипломатическом поприще, принял бразды воспитания царевича как знак высочайшего прощения и благоволения, ибо два последних года, после отставки канцлера Бестужева-Рюмина и восхождения на этот пост графа Воронцова (к слову, заклятого врага семейства Паниных), Ее Величество неоднократно выказывала недовольство симпатией своего посла в Стокгольме к устройству шведской конституционной монархии. Панин не задавался вопросом, что послужило причиной смены монаршего гнева на милость, по крайней мере не пытался это выяснять, – его увлекла редкостная возможность вырастить из юного Павла либерального императора, тем более что, будучи послом, Никита Иванович стал членом масонской ложи и со всем пылом пожилого неофита устремился проповедовать царевичу идеалы «братства вольных каменщиков».

Первым делом он познакомил воспитанника с началами нумерологии – учения, весьма популярного среди масонов, – и сделал это изящно и убедительно даже для шестилетнего малыша. Сложив, в соответствии с правилами, числа его дня рождения, Никита Иванович получил «1» и с удовольствием рассказал мальчику о чертах характера, которые присущи человеку, чье число «единица». Разумеется, не обо всех, а лишь о тех, которые должны помочь в воспитании «настоящего мужчины и государя».

Великий князь с восторгом воспринял девиз «единицы» «Отвага», обрадовался, что он, по словам воспитателя, человек мужественный, храбрый, решительный, что, когда вырастет, победит «бесконечную тьму», потому что займет высочайшее положение. Уверовав в предсказание, царевич внимательнейше прислушивался к советам Панина; он то и дело поверял свои поступки законами нумерологии или соотносил будущие действия с подходящими числами. Приняв трон, Павел Петрович свою коронацию назначил на 5 апреля 1797 года, потому что по нумерологии эта дата соответствовала числу «6», а девиз «шестерки» – «Служение людям», ей присущи чувство долга и привязанность к семье, любовь к гармонии, гуманизм и подвижничество; она призвана делать добро для друзей и общества. Император уверовал, что эти качества полностью отвечают его человеческой природе и историческим замыслам, и все последующие реформы были так или иначе связаны с ними. Никита Иванович мог быть доволен: его идея воплотилась в деяниях самодержца.

Вот и подготовка указа о создании Российско-американской компании и само его подписание теснейшим образом переплелись с нумерологией.

Возрожденный прожект появился на этот раз как нельзя кстати; император ухватился за него, что называется, двумя руками и тут же распорядился подготовить указ и все необходимые к нему приложения точно к 8 июля, ибо, как он мгновенно просчитал, на этот день выпадает число «5». А число «5», как он прекрасно помнил, хоть и предполагает возможные риски, ведя туда, куда другие не осмеливаются ступить, однако опора «пятерки» на закон и порядок в конечном счете обеспечивает рост благосостояния. В случае Российско-американской компании это благосостояние обещало выражаться доходами с большими нулями.

Джеймс Уилли, ставший к этому времени лейб-медиком императорской семьи, а значит доверенным лицом самого государя, пытался разубедить Павла Петровича, помимо прежних аргументов напирая на то, что русские купцы разгильдяи и транжиры, воры и мошенники, что государство в лице его августейшего правителя ни в коем случае не должно им покровительствовать, поскольку может потерять авторитет в глазах Европы, а это, несомненно, скажется на чувствительном здоровье Его Величества и сократит дни его царствования… Последнее утверждение Уилли заставило государя насторожиться, ибо намекало на предсказание монаха Авеля о краткосрочном правлении Павла Петровича, более того – о лишении его жизни через удушение. При дворе, и не только, было хорошо известно о точнейшем сроке кончины матушки императора Екатерины Великой, указанном монахом (тогда еще не Авелем, а Адамом), но никто не мог и не должен был знать, о чем поведал доморощенный пророк при личной встрече с государем.

Вспомнив про Авеля, император немедля приказал доставить его в столицу – решил спросить провидца о судьбе и роли в государстве новоучреждаемого предприятия: уж больно велик получался замах.

Высокий, сухолицый монах в черной рясе, с посохом в руке, вошел в кабинет и степенно склонил голову в черном клобуке, длинная рыжеватая борода распласталась на груди.

Павел Петрович живо встал из-за стола, заваленного бумагами, быстрым шагом подошел и заглянул снизу в темные, будто проваленные глаза.

– Владыко отче, благослови меня и весь дом мой, дабы твое благословение было нам во благо.

– Благословен Господь Бог всегда и во веки веков. – Авель перекрестил императора, затем повернулся и обнес широким крестом весь кабинет.

– Проходи, отче. – Павел Петрович усадил монаха в обитое вишневым бархатом кресло у отдельно стоящего чайного стола и позвонил в серебряный колокольчик. – Чай, сливки и печенье, – приказал вынырнувшему из-за тяжелой малиновой портьеры лакею (тот мгновенно исчез) и добавил, обращаясь к гостю: – Откушаем чаю, отче, побеседуем, а там и обеда время наступит.

Император уселся в кресло напротив Авеля и вперил в него пронизывающий взгляд, от которого у придворных начинали дрожать колени и невольно склонялись головы. Однако монах, глядя встречно, спокойно выдержал испытание.

– Для чего я снова тебе понадобился, государь? – Низкий хрипловатый голос провидца словно растекся по сияющей лаком поверхности стола, не выходя за ее пределы.

Слуга в сопровождении лакея внес серебряный поднос, на котором красовались пузатый серебряный чайник, серебряный же высокий сливочный кувшинчик, чашки с блюдцами китайского фарфора, а к ним серебряные ложечки, хрустальные вазочки с сахаром и печеньем, небольшие плошки с вареньями, проворно расставил все на столе под присмотром лакея, налил в чашки ароматный, дышащий паром чай, и они оба исчезли за портьерой.

Павел Петрович за все время процедуры не проронил ни слова и, лишь когда щелкнул замок двери, спросил, четко разделяя слова:

– Сказывал ли ты, отче, кому-либо о том, что поведал мне в прошлую встречу? К примеру, о сроке моего правления?

Авель перекрестился и ответил степенно, без тени сомнения:

– Господь Бог рече ко мне, сказывая, что будет отчине нашей и всему миру, а после наказывая: «Не всем скажи и не всем напиши, а токмо избранным Моим». Яко же мог я, раб Божий, нарушить Его слово указное?

Он снова перекрестился, следом перекрестился и император.

Помолчали, занятые усладой чаепития. Павел Петрович ломал в нервных пальцах, кроша на стол, тонкую вафельную плитку; монах намазал такую же плитку малиновым вареньем, аккуратно откусил и запил маленьким глотком чая.

Заговорил император.

– Твое предсказание, отче, я записал в назидание потомкам моим, наказал вскрыть письмо через сто лет после кончины моей. Предсказанного не боюсь, ибо от судьбы не уйдешь.

– Однако же все в руцех Божиих, и судьба человека смердящего тако же, аки судьба вознесенного на вершины. Деяние к деянию, доброе к доброму складывают судьбу. Деяния человека ничтожного судьбу мало изменят, ибо сами ничтожны, деяния же великого во благо государства могут изменить судьбу государства…

– А судьба самого великого тоже изменится?

– Сказано же: все в руцех Божиих, – посуровел Авель. – Како решит Господь, тако и будет. Значение жизни человека великого зависит токмо от его деяний.

– Я тоже так думаю, – кивнул император. – Потому и призвал тебя, отче, для совета и провидения.

Он встал, жестом оставив монаха в кресле, и прошелся по кабинету, задумчиво оглядывая его убранство.

– Здесь меня задушат? – спросил тоном, не требующим ответа, однако Авель, следивший за его движениями, проронил:

– То нам не ведомо.

– Впрочем, неважно. – Император словно встряхнул себя изнутри. – Предупрежден – значит, вооружен. Займемся деяниями во благо государства Российского, возможно, для изменения его судьбы. – Вернулся на свое место, налил свежего чаю (слуга, скользнув быстрой тенью, успел сменить остывший чайник) и обратил некрасивое, но вдохновленное идеей лицо к провидцу. – Я пригласил тебя, отче, по делу, может быть, ничтожному, однако мне за ним видится нечто, неизмеримо более значительное.

Павел Петрович поведал провидцу прожект колонизации Русской Америки, не умолчал и о предупреждении лейб-лекаря Уилли.

Авель неожиданно усмехнулся:

– Об Англии, государь, Господь рече мне, рабу Божию, что страну сию следовало наречь Наглией, ибо с превеликою наглостию лезет она во все щели, дабы интересы свои соблюсти. Опасайся, государь, такоже обещаний ея прельстительных и даров искушающих, ибо то есть дары данайцев… Что же прожекта касательно… – Провидец помолчал, отпил чаю без прикуски и молвил тихо, но весьма внушительно: – Прожект сей возымеет силу, судьбу империи меняющую, ежели на землях тех заморских заря вольности воссияет, разум человеческий освободится для замыслов и деяний великих, а деяния эти на землю российскую возвернутся силою могучей, судьбы меняющей. Токмо препона есть, кою ты, государь, волею своею разрешить можешь…

Монах замолк и уставился в пространство, словно стараясь провидеть, какое именно препятствие встанет перед прожектом, сулящим процветание всему государству Российскому.

Павел Петрович ждал, боясь чем-либо нечаянным нарушить процесс ясновидения.

Пауза затянулась.

Внезапно Авель вздрогнул и заговорил снова, но как-то механически и совершенно иными словами, без церковной витиеватости:

– Людей русских в Америке мало, образованных можно по пальцам перечесть – некому пока что ее развивать и вперед двигать. Надо отменить крепостное право, дать волю всем желающим туда поехать, помогать им в переезде, поощрять там науки и ремесла – плоды их вернутся на землю российскую, и тогда судьба России будет совсем инакой.

Император едва не раскрыл рот от изумления – не столько от смысла речений провидца, сколько от языка, словно говорил не монах, а другой, много более образованный человек. Наверное, в него вселился кто-то из будущего, – страшась неведомого, подумал он. – И что на это можно ответить?

– Крепостное право я бы хоть завтра отменил, – Павел Петрович обтер ладонями лицо – будто умылся, – да только, думаю, срок жизни моей стал бы еще короче: слишком много при дворе противников. Ну и кроме того: позволю всем желающим уехать – Россия вмиг обезлюдеет.

Авель снова вздрогнул – очнулся, взглянул на императора испуганно-безумными глазами:

– Почто обезлюдеет?!

– Так все в вольную Америку сбегут!

Взор монаха прояснился:

– Все не сбегут. Кто-то не схочет, кто-то не сможет…

– Все равно – рискованно давать волю, не готов мой народ к ней. Но я постараюсь, отче, вложить в указ многие привилегии, которые поспешествуют развитию компании, а с нею – всей колонии. А то, об чем говоришь ты, отче, пущай мои наследники претворяют, судьбу Отечества меняют.

«Польза и выгоды, проистекающие для Империи нашей от промыслов и торговли, производимых верноподданными нашими по Северо-Восточному морю и в тамошнем крае Америке, – говорилось в указе императора Правительствующему Сенату, – обратили на себя наше монаршее внимание и уважение. Почему принимая в непосредственное покровительство наше составившуюся по предмету оных промыслов и торговли компанию, повелеваем ей именоваться: под высочайшим нашим покровительством Российская Американская компания; и соизволяем, чтоб в подкрепление предприятий сей компании возможные со стороны военных начальников пособия нашими сухопутными и морскими силами по требованиям ее чинимы были на ее содержании. К руководству же и вящею облегчение и одобрение сей компании составлены для нее правила и содержание всемилостивейше даруемых от нас ей до сего времени на двадцать лет привилегий…»

Основными правилами и привилегиями стали отвергнутые Екатериной II монопольное право промыслов, торговли, поселений, а также торговые связи с другими государствами.

Параграф третий привилегий давал Компании право пользоваться не только всем, что имелось в благоприобретенных землях, но и тем, что будет открыто и отыскано впредь, лишь бы не было на то других претендентов. Привилегии давали право рубить лес, давали льготы по найму людей, по продаже свинца и пороха, но главное – даровали исключительные возможности на всяческие приобретения, промыслы и открытия новых стран. Территориями до пятьдесят пятого градуса северной широты Компания могла пользоваться по праву принадлежности их России, а те, что южнее, – открывать, исследовать, использовать по своему усмотрению, при условии что эти территории не заняты другими государствами.

По указу Павла I Компанию возглавил камергер Николай Петрович Резанов.

Прочитав высочайший Указ, Джеймс Уилли скажет военному губернатору Санкт-Петербурга графу Петру Алексеевичу фон дер Палену странные слова:

– Now I lost, but not yet evening. I don't have a gold snuff boxes, but may come down and the butt of the gun[10].

Граф неожиданно вспомнит о них после страшной мартовской ночи, когда гвардейские офицеры убили императора Павла. Среди убийц был иностранец, вроде бы камердинер генерала Зубова. Одним из орудий убийства послужила золотая табакерка. Обошлись без пистолета.

Медицинское заключение о кончине самодержца, гласившее, что смерть наступила от апоплексического удара, подписал лейб-медик Уилли.

[10] Сейчас я проиграл, но еще не вечер. У меня нет золотой табакерки, но, возможно, сойдет и рукоять пистолета (англ.).

Глава 7

Ноябрь 1808 года

Проснулся байдарщик Тараканов от сильнейшей бортовой качки. Было темно, что-то трещало, ухало, выло и свистело, слышались крики, где-то явно потоками лилась вода…

Вот дьявол! Пока он дрых в своей каюте, похоже, налетела буря; шхуна последние дни шла в виду берега, до него, обрывистого, рукой подать – тут и до крушения недалече. Мысли в голове вертелись, а руки сноровисто делали привычное дело: натянули штаны, потом сапоги… Пошарил кафтан… не нашел, махнул рукой – обойдусь, зима, ли чё ли! Под ногами плескалась вода, уже выше щиколоток. Тимофей вслепую отодвинул щеколду на двери, шатаясь от качки, вышел из каюты и, найдя руками трап, так, на четырех, и полез наверх…

Шквалистый норд-вест свистел в снастях, гнул мачты, несмотря на глухо зарифленные паруса; пенистые валы били в корму, то подбрасывая ее, то прокатываясь по палубе до самого бака. По серому, мглистому небу наперегонки бежали рваные облака.

Командир «Святого Николая» штурман Булыгин стоял на шканцах возле рулевого, следил за волнами и отдавал короткие приказы на смену галсов. Юнгу, восемнадцатилетнего Фильку Котельникова, Булыгин отправил в трюм – следить, не появится ли течь, и при необходимости поставить на помпу для откачки воды шестерых промысловиков-алеутов, которые там ютились. А матросы – девять русских промышленных и один приблудный англичанин Джон Вильямс – распределились по-пятеро возле мачт, привязавшись короткими концами кто к фальшборту, кто к самой мачте, и, вооружившись топорами и тесаками на случай, если понадобится рубить такелаж, ждали куда судьба вынесет.

Судьба несла к берегу, который уже заметно зубатился белыми скалами. Выше, на холмах, пестрела осенними красками американская тайга, а над ней, в дальней дали, на сером фоне облаков выделялись снежные пики – лепота, да и только, однако, случись крушение, то дай бог, чтобы местность безлюдной была. Куда как хуже, ежели населена индейцами: местные племена, по слухам, мало того, что весьма воинственны, так еще и огнестрелом снаряжены – ружья и припас им англичане-трапперы в обмен на меха и шкуры предоставляют. Вроде бы для самозащиты, а на деле – дабы не допустить на эти земли нежелательных для британцев конкурентов.

Ох, напрасно я поддался на уговоры Анюты и взял ее с собой, думал Булыгин о жене, которая с двумя прислужницами алеутками сидела сейчас в капитанской каюте. Анна Петровна была креолкой и оправдывала свое участие в экспедиции ролью толмача, поскольку знала несколько индейских языков. Нужда в толмаче и преодолела сопротивление мужа: шхуна шла в края малознаемые, с какими племенами придется столкнуться – неведомо, а индейские языки ежели и разнятся промеж собой, то несильно, как русский от малоросского или белорусского. В общем, зная один из них или два, объясниться можно со многими. Но Николай Исакович мучился не оттого, что подчинился молодой жене, хотя его главный помощник, староста промысловиков Тараканов, узнав об этом, укоризненно покачал головой:

– Обошлись бы, Исакыч. Я, ли чё ли, с индейцами гутарить не могу, да и по-аглицки кумекаю. А бабу в море брать на промысел, да еще и слову ейному верх оставлять – распоследнее, скажу тебе, дело.

– Да все я понимаю, Тимофей! – повинился штурман. – Но и ты войди в мое положение: мы с Анютой всего-ничего женаты, а тут уходить надо, вестимо, не на один месяц…

– Ты, Исакыч, не хужей меня знаешь, сколь суденок компанейских топнет…

– Знаю, – кивнул Булыгин. – Так ведь на все Божья воля, Тимофей. Доведется потонуть – опять же с супругой вместе будем.

– Ну, тебе видняе, – махнул рукой Тараканов и пошел в контору к другу своему Баранову, главному правителю колонии – договариваться, сколько и каких промышленных в экспедицию брать. Они, поди-ка, все наперечет.

Да, чего греха таить, сказал тогда Николай Исакович покорное Богу слово, но внутри-то гордыня шевельнулась: вот, мол, какой я рисковый, с роком готов потягаться! Однако сейчас, когда неумолимо приближалась нешуточная угроза – разбиться о прибрежные скалы, без какой-либо надежды на помощь, – он воспринимал ее как расплату за свою глупую самонадеянность. А вот разобьются – что делать?! Следом за «Святым Николаем», где-то через месяц, из Ново-Архангельска должна была выйти шхуна «Кадьяк» под командованием Ивана Кускова, но ждать ее здесь как спасительницу безнадежно: рандеву судов (с целью последующего общего похода в Калифорнию) назначено за много миль южнее. Конечно, не дождавшись «Святого Николая», Иван Александрович встревожится и пустится на поиски, но вот когда это случится и найдет ли…

Не успел Булыгин додумать свою до сердечной дрожи растерянную мысль, как особенно мощный порыв ветра встряхнул шхуну от киля до клотика; с оглушительным треском переломился фок-рей, его обломки повисли на снастях; колесо штурвала вырвалось из рук рулевого, закрутилось то в одну, то в другую сторону, самого рулевого сбросило со шканцев; шхуна рыскнула носом туда-сюда и развернулась бортом к волне. Налетевший вал шутя смыл с мостика капитана и накренил судно столь круто, что Тимофей Тараканов, как раз поднявшийся из трюма на палубу, не удержался на ногах и кубарем покатился к фальшборту. Кто знает, где бы он очутился в следующие мгновения, не окажись поблизости Джон Вильямс, буквально повисший на своей привязи к мачте. Англичанин ловко перекинул приготовленный для рубки снастей топор в левую руку, а освободившейся правой ухватил судового старосту за шиворот и, напрягая силы – в Тимофее было не меньше пяти пудов, – подтянул его к себе:

– Keep behave, boatswain! Тержись!

Новая волна положила шхуну на другой борт, Вильямса и Тараканова кинуло на грот-мачту, и они вцепились в ее обвязку. Еще четыре матроса облепили мачту со всех сторон, ухватившись кто за что. У фока была такая же картина.

Пенистый вал перекатился поперек палубы. Серая вода с шумом стекла через штормовые портики.

– Тэнкъю, – отфыркавшись, кивнул Тараканов Вильямсу и добавил, ни к кому конкретно не обращаясь: – Терпим крушение, ли чё ли?

– К берегу несет… а тама – скалы… как уж Бог даст… – вразнобой откликнулись матросы.

– Понял. – Тимофей оглянулся через плечо налево и увидел, что берег – вот он, к небу поднимается, стало быть, крушение неизбежно. Повернул голову в сторону мостика – там никого не было, ни капитана, ни рулевого, штурвальное колесо крутилось как попало.

Вот сукин сын, подумал староста про штурмана, бросил судно и за бабой своей побег. Впрочем, может, оно и правильно: шхуна, ясное дело, обречена, надо спасать самое дорогое. Да вот спасет ли? Ему почему-то совсем не пришло в голову, что капитана могло смыть за борт вместе с рулевым.

Тимофей снова глянул на берег. Да, пожалуй, счет до крушения идет уже на минуты – и что тут прикажешь делать?..

А ежели все ж таки попытаться?..

И-эх, была не была! Уловив момент, когда палуба более или менее выровнялась, он оттолкнулся от мачты и, оскальзываясь на мокрых досках, рванулся к мостику. Услышал за

спиной стук еще чьих-то сапог, но оглядываться не стал – только проблеснуло в голове: вот и ладно, вдвоем скорейше управимся.

Несмотря на грузность, Тимофей птицей вспорхнул на мостик и когтисто вцепился в штурвал. Тут же кто-то толкнул его в правый бок – потеснись! – боковым зрением он увидел, что это – Вильямс. В четыре руки, хотя и с трудом, они остановили «болтанку» штурвала.

– Фордевинд?[11] – перекрывая свист и гул ветра, прокричал Тараканов.

– Ноу, онли бакштаг![12] – мотнул головой англичанин, и Тимофей сразу согласился. Он увидел в береговой обрывистой стене широкий прогал и понял, что там речное устье. Если в него попасть, то можно обойтись наименьшими потерями, а чтобы попасть при зарифленных парусах, надо идти именно бакштагом, подставляя под ветер корпус шхуны.

То налегая всем телом, то повисая на ручках штурвала, вдвоем они сумели овладеть им и развернуть судно на нужный румб. Сразу стало легче: бортовая качка уменьшилась, ветер погнал шхуну к устью, которое прямо на глазах расширялось по мере приближения к нему. Но перед ним море кипело бурунами. Сулой![13]

– Господи, спаси и помилуй! – Тараканов широко перекрестился, и в тот же миг невесть откуда взявшаяся огромная волна подхватила судно на свой гребень, стремительно понесла к береговой каменистой отмели и со всего размаху шваркнула на торчащие из нее скальные зубья.

Скрежет и треск ломающегося дерева заглушили свист ветра и грохот прибоя. Волна схлынула обратно в океан, оставив на камнях изуродованный кораблик.

До устья реки он так и не добрался.

---

[11] Курс корабля, когда ветер дует точно в корму. Угол между направлениями движения корабля и ветра составляет 180 градусов.

[12] Курс корабля, когда ветер дует сзади и сбоку. Угол – примерно 135 градусов.

[13] Вид волнения на море, возникающий, в частности, при столкновении двух сильных течений (например, в устье реки).

Глава 8

Время то же. Взгляд назад

Экспедиция на «Святом Николае» за морским бобром, то бишь каланом, была для Тимофея Тараканова третьей по счету.

Первая состоялась пять лет назад с опытным байдарщиком Афанасием Швецовым и американским шкипером О'Кейном на его корабле. Главный правитель Баранов выделил им двадцать байдарок и сорок алеутов-кадьякцев из Карлука и наказал «не токмо промышлять морского зверя, а и продовольствием для русских поселений по возможности разжиться». Голодали в том году промысловики страшно. Скудно родящие огороды померзли, хлеба и вовсе не было. Поэтому хоть и не полным спасением, но солидной поддержкой стали мука и овощи, привезенные Таракановым и Швецовым с далекого юга. А дошли они аж до Сан-Диего и Сан-Кентина, что в испанских владениях в Нижней Калифорнии, и оказались там первыми русскими. Ну и мехов добыли изрядно, несмотря на протесты редких по берегам испанских миссий. Что протесты? Слова! Ни солдат у испанцев, ни оружия, чтобы прогнать незваных промысловиков.

– Земелька беззащитна, однако изобильна-а-а. Родяща поболе, чем наша курская, а про твою Вологду вобче молчу! – рассказывал по возвращении Тимофей за дружеским чаем главному правителю. Встретились они на Ситке, в Ново-Архангельске, который Баранов с ополчением, при поддержке моряков-кругосветников с шлюпа «Нева», весною 1804 года отвоевал обратно у колошей[14]. – Не поверишь – лозу воткнешь, через год-другой виноград собирай. Индейцы кругом любомиры, гишпанцы, которы не начальники, зело приветливы. Надо, Ляксандр Андреич, русское поселение там закладывать. Будет у тя своя житница. Хоть и за тридевять земель, а все ж таки близче, нежели Сибирь, да и многажды богаче.

Баранов сидел, насупясь, обеими руками опершись о лавку и чуть покачиваясь взад-вперед, – будто бы прыгнуть готовился прямо из-за стола (уж не в Калифорнию ли?) – слушал, не перебивая, услышанное обмозговывал. Небольшого росточка, но широкий в плечах, он и в вицмундире (который за восемнадцать лет службы в Америке довольно поистрепался), казался крепким деревенским мужиком. Впрочем, чего там казался – он и был каргопольским мужиком, своим умом и хваткой выбившимся в известные купцы, настолько известные, что Шелихов, первым начавший освоение дотоле неведомой земли, несколько лет добивался согласия Александра Андреевича занять пост главного правителя Американской Северо-Восточной компании. И – добился-таки: в 1790 году взялся Баранов за это нелегкое дело.

В те годы много русских купцов-промышленников ринулись в Америку за мягкой рухлядью – в основном шкурами калана, морского бобра, которого было видимо-невидимо на американском побережье и островах. Уж больно высокую прибыль давала продажа мехов в Европу и Китай, такую высокую, что чуть ли не половину поступлений в российскую казну составляли доходы от этой торговли. Конечно, брали не только морского, но и наземного зверя – песца, соболя, куницу, белку, но главной добычей был калан. Не останавливали промышленников ни гибель их суденышек в холодном угрюмом океане, ни голод и болезни от нехватки провизии, ни нападения, вплоть до поголовного смертоубийства, аборигенов – алеутов, эскимосов и индейцев, не желавших мириться с жадными, наглыми и жестокими пришельцами.

---

[14] Ново-Архангельск был основан А. А. Барановым на острове Ситка в 1799 г. В 1802 г. индейцы-тлинкиты, или колоши, пошли войной на русских и уничтожили поселения на Ситке. После разгрома колошей Ново-Архангельск был отстроен Барановым заново и на многие годы стал столицей Русской Америки.

Компания Шелихова и Голикова была самой крупной в этой части Америки, а с другой ее стороны, в Канаде, хозяйничали английские Северо-Западная и Компания Гудзонова залива. Понятное дело, конкуренты, ловкие и коварные, и рано или поздно, полагал Баранов, с ними придется схватиться, и дай бог, чтоб не насмерть. Хотя… Вполне вероятно, уже поздно: из-за недальновидности императрицы потеряно почти десять лет, и английские трапперы расплодились, как лемминги[15]. Мелким русским компаниям с ними справиться было невозможно. К счастью, это поняли и сами промышленники. Теперь есть Российско-американская компания, которую все называют кратко – РАК, а с ней появилась надежда пойти по-иному пути истории Крайнего Востока России, да, пожалуй, и всей империи.

Время от времени перед каждым встает выбор, словно развилка на незнакомой дороге: выбирай, мол, путник – куда свернешь, такую и судьбу обретешь. Только, в отличие от обычной дороги, по которой всегда можно вернуться и пойти в другую сторону, на исторической или жизненной – это невозможно. Что выбрал, то выбрал; надо прежде думать, куда направишься. А выбрать нужный путь чаще всего помогает именно надежда.

Великий государь Павел Петрович оказался прозорливей своей венценосной матушки и, понадеявшись на быстрый результат, подписал указ об основании Компании и даруемых ей на 20 лет привилегиях. Дал согласие на свободную продажу акций[16], однако воспрепятствовал самому главному – свободному выезду в колонию всем желающим и тоже миновал важнейшую развилку, не свернув на незнаемый путь. Конечно, это сильно ограничило возможности РАК по охвату и освоению новых земель: людей катастрофически не хватало, а вскоре стало не хватать и денег, хотя и сам Павел, и сын его Александр от щедрот своих время от времени ссужали Компании немалые суммы. Однако, судя по трудностям, постоянно переживаемым поселенцами, до Русской Америки эти ссуды приходили изрядно похудевшими.

Вот и сейчас, слушая Тараканова, Баранов думал о том, где взять людей и деньги на заманчивое предложение, и сожалел, что и новый император, Александр Павлович, боится того же, чего побоялся его покойный отец. Соберется, мол, в Америке голытьба и шваль беглая, та, что мнит себя свободной и независимой, и отделится от России по примеру Соединенных Штатов. Они там, наверху, и представить не могут, что крепостной мужик Тимофей Тараканов думает не о том, чтобы рвануть куда подальше, в те же Штаты, где он, с его умом и ухватистостью, стал бы не последним человеком, а совсем наоборот – думает Тимофей о том, как бы пользу принести Отечеству. Потому-то он, каргопольский промышленник Александр Баранов, удостоенный за свои труды потомственного дворянства, и дружит с крепостным, по сути рабом, на которого, тем не менее, можно положиться с большей уверенностью, чем на иного свободного, а тем паче дворянина.

– Тяжкие времена у нас, Тараканыч, – вздохнув, сказал Александр Андреевич, выслушав до конца историю экспедиции. – Шибко голодные времена! Однако сказка твоя весьма пригодиться может. Тебе уже, наверно, ведомо, что прибыл к нам сам главный директор Компании, господин камергер Николай Петрович Резанов. Прознав про наше бедственное с продовольствием положение, он на свои деньги купил у американского купца Джона Вульфа шхуну вместе с полным трюмом провизии. Провизию передал для поселенцев, а на шхуне – назвал ее «Юнона» – собирается отправиться в Калифорнию. Так сказать, на разведку. Он тоже полагает, что надо двигаться на юг.

– Видать, толковый, – одобрительно отозвался Тараканов, прикусив сахару и отхлебнув с блюдца горячего чаю. – А на верфи, я вижу, еще чегой-то заложили?

---

[15] Грызуны, населяют тундру и лесотундру. Быстро размножаются. За сутки лемминг съедает вдвое больше, чем весит сам.

[16] Однако фактически акционерное общество стало закрытым. Всего было выпущено 724 акции, каждая стоимостью 3638 руб. 61¼ коп. на общую сумму 2 634 356 руб. 57¾ коп. Акции разобрали «свои люди», в том числе и члены императорской фамилии. Не пускать же каждого россиянина со свиным рылом в калашный ряд: еще, глядишь, обогатятся сверх меры.

– Да шхунку наподобье «Юноны». – Баранов тоже взялся за чашку, налил из самовара свежачку. – Господин Резанов уже и окрестил ее – «Авось», чисто по-русски. Тоже в свой поход берет. Капитаны у него есть – лейтенанты Хвостов и Давыдов, а команды придется мне набирать. Не хочешь с ним пойти?

– Не-а, – мотнул головой Тимофей. – Он пущай провизией занимается, а я хочу байдарщиком пойтить. У Афанасия поднатаскался – надо и себя показать.

– И то верно, – кивнул Баранов. – О'Кейн сказывал, что его сродственник должен подойти, капитан Кимболл, тоже готов с нами по морскому зверю сотрудничать – вот с ним и пойдешь. Еще раз юга́ прощупаешь на предмет заселения. Как говорится, семь раз отмерь…

Так сложилась вторая экспедиция Тараканова в Калифорнию. В конечном счете снова добрались до Сан-Кентина, но начали промысел с залива Румянцева, что верст на шестьдесят севернее Сан-Франциско. Эти берега еще не были обследованы русскими; Тимофей Никитич знал только, что власть испанцев на них не распространяется. В Сан-Франциско – другое дело, там располагалась резиденция губернатора Верхней Калифорнии дона Хосе Арильяги (это к нему направился камергер Резанов, чтобы договориться о взаимовыгодной торговле), однако партовщики заглянули и в эту обширную бухту. Испанцы, заметив незваных гостей, обстреляли их из крепостных пушек, и алеуты-охотники, бросив байдарки, бежали через заросшую лесом низменную долину между Сан-Франциско и заливом Румянцева. К счастью, губернатор не придал значения мимолетному браконьерству, и переговоры Резанова прошли успешно: «Юнона» и «Авось» вернулись в Ново-Архангельск, до отказа нагруженные провизией, а сорокадвухлетний камергер еще и обручился с пятнадцатилетней дочерью коменданта Сан-Франциско Кончитой Аруэльо. Камергер – фигура при императорском дворе заметная, отец Кончиты был рад породниться со столь знатным вельможей и готов немедленно сыграть свадьбу, но Резанов – православный, Кончита – католичка, на венчание требовалось разрешение самого Папы римского, и камергер отбыл за этим разрешением. Кончита рвалась отправиться вместе с женихом, однако родители решительно воспротивились, посчитав такое поведение дочери неприличным, и она подчинилась.

– Знаешь, Александр Андреевич, я даже рад, что она сдалась на уговоры родителей, хотя девица во всех отношениях весьма решительная, – говорил глава Компании своему подчиненному, правителю колонии. – У меня есть время хорошенько подумать. Слов нет, Кончита хороша, я ее искренне люблю, она меня – тоже, но брак этот все-таки дело более политическое, нежели сердечное. Я Анечку забыть не могу, – и глаза мужественного и стойкого человека, каковым он не единожды показывал себя[17], наполнились слезами.

Анечку, свою юную жену Анну Григорьевну Шелихову, с которой прожил всего семь лет, Николай Петрович потерял сразу после рождения второго ребенка и уже пятый год был вдовцом. Малолетние сын и дочь воспитывались в имении его родителей, так что никаких препятствий к новому семейному счастью не имелось, но, как говорится, сердцу не прикажешь.

Александр Андреевич посочувствовал горю начальника, однако добавил:

– Сколько ж можно убиваться? Деткам мать нужна, а у невесты вашей, судя по всему, очень доброе сердце.

Николай Петрович покивал согласно, вздохнул напоследок и перешел к делам насущным. Так уж он был устроен: служение Компании, а значит Отечеству, считал для себя честью великой, а честь ставил выше жизни.

Впрочем, таковым он и Баранова почитал и писал о нем директорам Компании в обширном письме-отчете: «…о г. Баранове скажу вам, что потеря сего человека для здешнего края

[17] Н. П. Резанов был назначен посланником в Японию и начальником первой русской кругосветной экспедиции; последнее вызвало недовольство И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, которые в течение всего пути до Японии подвергали камергера всяческим унижениям и пренебрегали им. Резанов на провокации не поддался и заставил Крузенштерна извиниться.

есть потеря не для компании, но для всего Отечества, и поверьте мне, что с лишением г. Баранова лишитесь вы великих способов к произведению в действо тех обширных планов, к которым столь верный путь проложили труды его. Имя почтенного старика сего известно в Соединенных Штатах Америки, но, к сожалению, не дошло оно в той мере до его соотчичей, и, получая похвалы от других народов, пьет он между тем от своих горькую чашу…»

В этом нет ни капли преувеличения: планы Баранова были действительно обширны.

Прочитав в отчете Тараканова о заливе Румянцева: «Залив тот более протчих на тех берегах поныне мест обнадеживает промысловыми выгодами…», – Александр Андреевич третью экспедицию направил на юг уже с целью основания русского поселения на границе с испанской Калифорнией. Общее руководство ею он поручил своему заместителю, коммерции советнику Ивану Александровичу Кускову, с 1790 года шедшему с ним рука об руку, управляющему поселением в заливе Якутат. Команде, выходящей на месяц раньше Кускова на «Святом Николае», вменялось не столько заниматься промыслом, сколько «учинить описание всего берега Новаго Альбиона, начиная от пролива Жуан де Фука… к гишпанскому Санкт-Францыско, с обстоятельным изследованием известных портов и неизвестных бухт, проливов и островов с якорными местами». А Тараканову – отдельно! – вменялось выяснять, имеют ли индейцы «склонность к миролюбивой мене и торговле и есть ли у тех интересные морские или земляные звери, или особые какие продукты». Кроме того, он должен был «примечать грунты земель, песков и разноцветных каменьев, брать по небольшой частице, привязывать ярлычки с показанием места и количества в каком открывается, особливо же близ пролива Жуан де Фука и устья реки Колумбии». Иными словами, досконально выявлять пользу, которую могут принести России новообретаемые земли, ибо Кускову главный правитель поручил именно покупку у индейцев наибольшей по возможности территории.

И еще строго-настрого всем наказывал вести себя скромно, никоим образом не озлобляя ни индейцев, ни испанцев, но оружие держать наготове, применяя его только в случае крайней опасности для своих людей.

Глава 9

Время то же. Продолжение

Первый день на неведомом берегу прошел для экипажа и пассажиров «Святого Николая» спокойно, если не считать адского труда по разгрузке безнадежно потерянного судна. Скальные зубья пропороли днище и левый борт в нескольких местах, сломав шпангоут и вытолкнув фок-мачту. Удивительно было, что люди все, в том числе и капитан с рулевым Прохором Жиляковым, остались целы и невредимы – так только, немного помяты. Булыгин и Жиляков добрались до берега вплавь.

А разгрузка шхуны казалась адской из-за того, что прибой мотал ее корпус туда-сюда; не было никакой возможности остановить эту сбивающую с ног качку, и приноровиться к ней тоже не получалось.

Булыгин не принимал участия в муравьиных хлопотах подчиненных, в стороне от всех он обнимал неостановимо рыдающую жену (она решила, что муж погиб) и выглядел растерянным и подавленным.

– Ну, ты чё скис, Исакыч? – подошел к нему Тараканов. – Давай занаряжай, ли чё ли: кому куда, кому чё делать.

– Не трогай ты меня пока, Тимофей, – замученно глянул Булыгин из-за плеча жены. – Бери все в свои руки. Я – на море, а ты – на земле будь командиром.

– Говорил я тебе, – начал было укорять Тараканов, но встретился с капитаном глазами, осекся и махнул рукой: – Ладно. Токо ты уж не мешайся.

Первым делом староста-байдарщик поставил охорон с ружьями – зорко следить вокруг, не появится ли ворог, вперворядь индейцы – они страсть как любят пограбить. Для охорона, само собой, лучше других годились алеуты-охотники – у них глаза куда как остры да приметливы. Остальных Тимофей направил разбирать спасенные грузы: что взять с собой, что оставить в укрытии. Просто сидеть на берегу и ждать неведомо чего было негоже; идти на юг, то бишь карабкаться по скалам и обрывам краем моря – упаси Боже! Да и докуда идти? До залива Румянцева верст восемьсот, ежели не боле, в такую даль ни сил, ни обувки не хватит, а впереди еще и зима. Зимовать на берегу под промозглыми ветрами – тоже не приведи Господь! Остается одна путь-дорога – вверх по реке, и одна надежда, что удастся мирно договориться с индейцами, задобрить их дарами, да и перезимовать в соседстве с ними.

С великой жалостью оглядывал он берега, где на камнях тут и там лежали котики и сивучи. Непуганые человеком, они с любопытством следили за суетливым копошением двуногих. Верно, и каланов тут полно, но когда и зачем заниматься ими? Вот ежели выживем и вернемся…

На ночь разбили палатки. Кто-то предложил запалить костры – благо сушняка на берегу полным-полно. Однако, подумав, командир отказался: костровой огонь будет освещать стоянку, а индейцы останутся в темноте – им оттуда стрелять куда как удобно. Лучше караулить, не выдавая себя, а тревогу поднять одним выстрелом.

За день Тимофей так устряпался, что, казалось, вот-вот упадет и не встанет. Однако обошел посты и уговорил алеутов покараулить до полуночи – все равно сменить их было некем, а после назначил в охранение себя, Булыгина и Фильку Котельникова.

У Булыгина то ли дворянская спесь взыграла, то ли перед женой ощутил неудобство, но, услыхав про дежурство, штурман взъершился:

– Я же просил меня не трогать!

Очень не хотелось Тимофею приказывать: он понимал, что дворянин на крепостном всегда может отыграться запросто и жестоко, однако ему теперь отвечать за порядок в экспедиции, а значит – за жизнь людей. Но это возможно лишь при том, что никому не будет поблажек. Потому и ответил Булыгину сурово:

– Ты сам захотел, чтоб я покомандовал. Вот и командую. Люди все, окромя тебя, выдохлись в труде непомерном, а без караула нельзя. Забыл, ли чё ли, как колоши наши отряды вырезáли?

Булыгин покраснел, оглянулся на жену, притихшую в глубине палатки, и неожиданно смущенно пробормотал:

– Хорошо, Тимофей Никитич, разбудишь меня, когда на пост идти.

Разговор этот не остался тайной, и в дальнейшем повиновение старосте стало безоговорочным. Даже матросы, для которых байдарщик со своими промышленными были всего-то пассажирами, признали его власть.

А Тараканов долго не мог уснуть – ворочался, думал. Для него подчинение штурмана явилось неожиданной победой. Не над ним, а над собой, над извечной приниженностью раба перед барином, и он впервые почувствовал себя свободным человеком. Хотя бы ненадолго, потому как знал, что до настоящей свободы так же далеко, как вон до той звезды, что заглядывала в палатку с густо-синего небосклона. Но и это «ненадолго» грело душу надеждой.

Вообще-то, с хозяином, курским помещиком Никанором Ивановичем Переверзевым, Тимофею повезло. Будучи мальчишкой, он выучился у местного священника грамоте и счету и попал в дворовые. Взяли его для пригляда за малолетними барчуками: Никанор Иванович здраво рассудил, что любознательный Тимошка будет хорошим примером для его отпрысков. Вместе с ними Тимофей учился у приглашенных учителей, и учился успешно. Освоил азы алгебры и тригонометрии, постиг историю и географию (особенно любил карты), бегло говорил по-немецки и немного по-английски. Никанор Иванович хотел, чтобы его дети разумели в механике и физике, и пригласил на одно лето из Петербурга знаменитого Ивана Петровича Кулибина. Тимофей, не будь дурак, рассудил, что ему пригодится и это, и за три месяца овладел токарным и слесарным ремеслом, научился изготавливать ярко-светящий фонарь (весьма полезное изобретение учителя) и – уж самое необычное – мастерить и запускать воздушных змеев.

В общем, к двадцати годам Тимофей стал столь образованным, что, когда курский купец Голиков по-добрососедски предложил Переверзеву поучаствовать в делах компании, которую он и Шелихов основали в Америке, и направить в нее своего представителя, палец помещика указал на Тараканова.

– Пятнадцать лет прослужишь в Америке верой и правдой – получишь вольную. Для себя и своей родовы, – молвил Никанор Иванович. – Слово даю при свидетелях.

Так Тимофей стал служащим сначала Северо-Восточной, а затем Российско-американской компании. Главный правитель Баранов быстро приметил в нем «способность к деятельному начальству и расторопности» и начал поручать ему сперва несложные, а потом и более важные дела, вплоть до начальствования в небольших походах против немирных аборигенов. Тараканов во все вникал, все впитывал, присматривался к местным обычаям, с кадьяками общался не свысока, подобно многим пришельцам, не угрозами, а уважительно, при случае одаривая чем-нибудь, и Баранов постепенно проникся дружеским расположением к честному, прямодушному и надежному помощнику. На этой заморской окраине империи каждый толковый человек был на вес золота, а таких, как Тараканов, можно было пересчитать по пальцам одной руки: Николай Мухин, Иван Кусков, Филипп Кашеваров, Ефим Расторгуев…

Так, по крайней мере, говаривал за традиционным дружеским чаепитием Александр Андреевич.

Надежный помощник, вздохнул Тимофей, разглядывая в щель палатки подмигивающую звезду, которая заметно переместилась книзу. До смены караула оставалось четыре часа. Был помощник, а должон стать командиром-надёжей. Иначе не выбраться.

С тем и заснул.

Индейцы появились вечером второго дня, когда у потерпевших крушение все уже было готово к походу вверх по реке. Лишние вещи из корабельного имущества, а также два трехфунтовых фальконета с запасом ядер и картузов с порохом уложили в глубокую яму, выстелив ее парусом, а затем закрыв землей и приметными камнями. Шесть байдарок загрузили провизией и теплыми вещами, а в личные заплечные мешки каждый положил трехдневную норму продуктов (на всякий случай) и кое-какие предметы крайней необходимости – миски, кружки, ложки, гребешки… Все, в том числе и женщины, оделись по-походному, на пояса прицепили ножи, за пояса заткнули топоры; мужчины проверили ружья и снаряжение к ним – порох и кремни, пули и дробь, у каждого – полный подсумок. Подарки для индейцев – бусы, зеркальца, топорики, расписные табакерки – в отдельном коробе надежно закрепили на одной из байдарок.

И только-только закончили укладку, индейцы – словно сидели в укрытии и ждали этого момента – объявились на опушке леса. Голые по пояс (ниже висели какие-то ремки, прикрывавшие срам), расписанные полосами краски под цвета осенних деревьев, в шапках с перьями, они вдруг поднялись над низкорослыми кустами, потрясая над головой своим оружием – кто луком со стрелами, кто копьем, кто боевым топором, – и что-то завопили на языке, который Тараканову был совершенно незнаком.

– Глянь-ко, Никитыч, у одного, кажись, ружжо, – сказал кто-то за спиной Тараканова дребезжащим тенорком. Тимофей глянул мельком – тенорок принадлежал партовщику Касьяну Зырянову, коренастому жилистому зырянину с большими руками, которые сейчас сжимали единственный в отряде штуцер (остальные ружья были гладкоствольные). – Хранцузский мушкетон, – добавил Касьян, не только обладавший острым зрением, но и хорошо разбиравшийся в оружии (недаром штуцер был доверен именно ему). – Откуль они их берут?

– Покупают у добрых людей. У таких, как мы, за те же меха и шкуры… – усмехнулся судовой староста, в то же время усиленно размышляя, что делать. Начинать с войны не хотелось, хотя весь вид индейцев, продолжавших воинственное представление, говорил о неизбежной схватке. Таких одним выстрелом не испугать, да и с огнестрелом они уже знакомы.

– Петровна, – обратился он к Булыгиной, стоявшей с мужем чуть позади, – попробуй, ли чё ли, поспрошать, чего от нас хотят, и скажи, что мы пришли с миром.

Анна Петровна, молодая красавица-креолка, как и все, одетая по-походному, сделала было шаг вперед, но муж остановил ее, обратившись к Тараканову с нескрываемым сарказмом:

– Ты что это, командир, никак женщину подставить хочешь? А говорил: сам по-индейски кумекаешь.

– Петровне ничё не грозит: индейцы, Исакыч, в баб не стреляют. А по-индейски она лучшей меня говорит. Так что не боись. А вы, – Тимофей Никитич зыркнул взглядом по остальным, – сготовьте ружья, но без моей команды не стрелять. И – разойтись, не стоять кучно.

Булыгина выступила вперед на три шага, показала индейцам открытые руки – мол, имеет добрые намерения – и прокричала что-то несколько раз – наверное, на всех наречиях, какие знала.

Индейцы столпились, живо обсуждая услышанное, потом вдруг рассыпались и скрылись в кустарнике.

– Чёй-то они? – недоуменно продребезжал Касьян.

– Ложись! – рявкнул Тимофей, падая на одно колено и вскидывая к плечу ружье.

Из кустов свистнули стрелы, и несколько вскриков подтвердили, что для кого-то его приказ запоздал.

– Пали!

Ответные ружейные выстрелы хоть и вслепую, но тоже достигли цели: подброшенные ударами пуль, над кустами взметнулись и тут же опали две раскрашенные фигуры. Послышались крики, листва бурно зашевелилась, но и быстро успокоилась. Только шум прибоя в ушах равномерно нарастал и удалялся. Все произошло так стремительно, что Анна Петровна не успела даже руки опустить – так и стояла с поднятыми. Стрелы ее миновали, наверное, у индейцев действительно не принято стрелять в безоружную женщину.

Хотя… кто знает!

Видимо, осознав, что стычка закончилась, Анна Петровна бессильно уронила руки и повернулась навстречу встававшим с земли товарищам. Булыгин и Тараканов бросились к ней. Муж обнял – она отстранилась, а байдарщика смерила презрительным взглядом, отвернулась и пошла к остальным.

Мужчины остались один на один. Выражение лица у штурмана было такое, словно он собирался сплюнуть, однако сдержался и побрел за женой.

На душе у Тараканова скребли кошки, захотелось тут же отказаться от командирства, но он взял себя в руки, осмотрел свое воинство – люди под его суровым взглядом подтянулись, стараясь держаться побоевитей, – и подошел к хлопотавшим возле подстреленных. Одному алеуту смертельная стрела попала в горло, еще один промышленный и один матрос были легко ранены. Слава богу, не в ноги, смогут идти, подумал командир. Оставаться на месте до их выздоровления нельзя, а нести на себе было бы слишком тяжело. Однако выступать в этот день уже не суждено: надо рыть могилу и все такое прочее.

Убитый алеут был православным, но хоронить его пришлось в тот же вечер, потому что ждать третьего дня не представлялось возможным. Закопали, поставили деревянный крест, заодно неподалеку и большой поклонный – в память о крушении «Святого Николая». Под поклонный крест положили заготовленную еще в Ново-Архангельске железную литую пластину с текстом: «Сию землю открыл и привел под высочайшую руку Императора Российского шкипер Николай Булыгин. Год от Р.Х. 1808». После чего помолились и справили поминки. Тараканов приказал к утру всем быть готовыми. Кто-то не поленился снова поставить палатки, кто-то пристроился у костров – их запалили промышленные и матросы на особицу. Беда общая, а сугрево врозь, с неожиданной горечью подумал Тимофей Никитич.

Про охрану не забыли, но все устали, да еще выпили рому на поминках, и вышло так, что после полуночи задремали и сторожа. Слава богу, что недовольный собой командир никак не мог уснуть в палатке и выполз из нее подышать свежим воздухом. Он увидел стремительную тень, мелькнувшую в слабом свете почти затухшего костра – так быстро не мог двигаться никто из его команды, – и выстрелил из пистолета в ту сторону, куда она исчезла.

И – пошла потеха!

Тут и там загремели выстрелы – это проснувшиеся промышленные схватились за ружья, благо у всех они всегда заряжены, – зазвенела сталь: томагавки индейцев схлестнулись с тесаками и ножами матросов. Воинственные крики и стоны раненых смешались в беспорядочный шум.

Выстрелив, Тараканов отбросил пистолет (некогда перезаряжать!), вытянул из палатки свое ружье и, присев, лихорадочно стал выискивать цель. В общей суматохе это было совсем непросто: света от тлеющих костров решительно не хватало, нападавшие и защищавшиеся мгновенно, словно в дикой пляске, менялись местами, и казалось, что пуля непременно попадет в своего. Краем глаза Тимофей Никитич уловил бросок в свою сторону украшенной перьями фигуры с поднятым томагавком, мгновенно развернулся и нажал на курок. Тяжелая свинцовая пуля, обычно отбрасывавшая человека, на этот раз не остановила стремительно

налетавшее громадное тело противника – индеец только дернулся и всей тяжестью обрушился на Тараканова. Шею Тимофея от перелома спасло лишь то, что он успел упасть плашмя на землю. Тем не менее тяжеленный удар на мгновение оглушил его, в рот набилась земля, и нечем стало дышать…

Очнулся он от тряски: кто-то, держа за плечи, встряхивал его, в то время как чьи-то пальцы сжимали щеки, заставляя раскрыть рот и выплюнуть землю.

Тараканов закашлялся и сел, ошалело оглядываясь вокруг. Радетели его отступили к столпившимся неподалеку товарищам.

Светало. На востоке над лесом порозовели облака. Заслоняя их, темными глыбами стояли партовщики и матросы, молчали.

– Все живы? – откашлявшись, спросил Тимофей Никитич.

– Живы-то живы, – отозвался Парфен Кулаков, молодой промышленный из алеутов. Родившись уже среди русских, он учился в школе у валаамских монахов, присланных просвещать диких аборигенов, и хорошо знал язык.

– Раненых много?

– Всем досталось, но тяжелых нет, Бог миловал.

Это штурман, определил по голосу Тараканов и встал. Руки-ноги были целы, вот – главное. А в голове гудит – пройдет.

– А чё такие кислые? Индейцев мало положили?

– Скоко-то положили, оне с собой унесли, – продребезжал Касьян Зырянов. – Ты, вона, вожака ихнего угрохал…

– Угрохал, ну и лады, чего ж вы…

– Байдары наши они увели, – не дал ему договорить Булыгин. – Мы остались без припасов. Еды на три-четыре дня, и – все!

В его словах Тимофей Никитич уловил отчаяние и страх. Это плохо, очень плохо! Пока не поднялась паника, надо решать, что делать. А – что?! С *этими* индейцами уже не подружиться, а есть ли поблизости другие? Но и с ними, другими, если они есть, как подружиться, не имея ничего для подношения? Остаться тут, срубить острожек и зимовать, ни на что не надеясь? Острожек срубить – без вопросов, а как и чем кормиться? Конечно, в лесу и олени, и лоси, на худой конец полно морского зверя (мясо его воняет рыбой, но терпеть можно), да и рыбу можно наловчиться ловить, однако и тут подстерегает страшный ворог – скорбут! Сколько от него людей перемерло – счету нет! А индейцы знают, как с ним сладить, значит, выход один – идти на поклон к индейцам, но опять же – с чем к ним идти?

Все эти мысли промелькнули в голове Тараканова за то короткое время, которое ушло у него на огляд томившихся в ожидании товарищей.

– Без грузóв на байдарах нам податься некуда, потому байдары надобно вернуть! – решительно сказал он и порадовался, услыхав одобрительный гомон. – Пойдем в погоню. Но – сторожко. Словим случáй и отобьем!

Из отложенных припасов каждому стрелку добавили огневых зарядов и двинулись вверх по течению реки – где по берегу, по отмелям, где вброд по мелководью. Тараканов с алеутами шел впереди – вели разведку; для связи с остальными он взял Филю Котельникова и то и дело отправлял его с указаниями, как лучше идти. Юнга старался изо всех сил – ему нравилось быть при командире и передавать его приказы. По счастью, речных притоков не было – все больше ручьи, и Тараканов молил Бога, чтобы так и продолжалось: не то встретится какая-нибудь более-менее полноводная речушка, и ломай тогда голову, свернули похитители в нее или нет.

Однако Бог, по всей видимости, занимался другими делами и прослушал мольбу Тимофея Никитича, потому что часу в третьем после полудня на противоположном берегу открылось устье то ли протоки, то ли притока, и командир задумался. По следам выходило, что

индейцы продолжали идти по левому берегу, но байдары вполне могли свернуть в приток (или протоку?). Хотя… если аборигены идут к месту своего постоянного проживания, то зачем им отделяться от добычи или опять же добычу отсылать в сторону? Обмозговав положение и посоветовавшись с алеутами, немного лучше знавшими индейцев, Тараканов все же остановился на том, что их добыча, то бишь российское добро, никуда «на сторону» не уплыла, и следует двигаться вперед. Но тут как-то быстро сгустились сумерки и пришлось устраиваться на ночлег – без палаток и костров, чтобы не привлечь внимание противника. Поели всухомятку, запили водичкой из реки, и на боковую.

На другой день на береговом возвышении наткнулись на почерневший от непогоды столб с жестяной табличкой, на которой штурман с помощью Джона Вильямса с трудом разобрал английский текст. Табличка гласила, что некий Дэвид Томпсон, служащий Северо-Западной меховой компании, обследовал эту реку, назвал ее Квилеут-ривер по имени аборигенов-индейцев и объявил торговлю на их территории привилегией компании.

– Опередил нас британец, – сказал Николай Исакович. – Теперь понятно, почему индейцы так враждебно к нам относятся. Их англичане настропалили.

– То нам неведомо, можа, они тако же и англичан шуганули, – раздумчиво заметил Тараканов. – В любом случа́е, теперича известно, как их звать-величать. – Он похлопал по столбу мозолистой ладонью – тот пошатнулся. – А столбец этот, видать, давненько ставили, пора бы ему в костерок. Эй, ребятушки, ну-тко, поднатужьтесь, ли чё ли.

Столб свалили, порубили на дрова для костра.

– Тиз не ест правилно, – заметил Джон Вильямс. – Тиз из бриич, нарушение.

– Зря ты так, Тимофей Никитич, – осудил и Булыгин. – Они и наши знаки тако же изничтожат.

– Изничтожат, – согласился Тараканов. – Покудова не заложим постоянную факторию, так и будем изничтожать. Мы – их знаки, они – наши. Еще не раз и подеремся!

– Никитыч, – из кустов выломился запыхавшийся Парфен Кулаков, он в этот день был старшим в дозоре, – там, впереди, индейцы промеж собой бьются.

– Как бьются?!

– Вусмерть!

– Вусмерть напиваются, а бьются насмерть! – поправил Булыгин. – Как эти-то дерутся, чем?

– Копьями, топорами своими.

– Томагавками, – подсказал Тараканов.

– Ну-дыть, гавками, нычить, – никак упомнить не могу.

– Промеж собой?! – не поверил Булыгин.

– Так они ж разные! Разного роду!

– С чего это ты решил? – удивился Тараканов.

– Так раскраска у них разная. У индейцев кажное племя по-своему красится, – пояснил Парфен. – «Наши» – желтые с красным, а энти, другие, – синие с зеленым.

– Что делать будем? – обратился к Тараканову Булыгин.

Вся команда воззрилась на командира.

Что делать, что делать?! Кабы знал он – что! Однако взялся за гуж…

– Парфен, – позвал Тимофей успевшего отойти к товарищам разведчика, – а из-за чего у них драка – вы не разобрались?

Парфен ненадолго задумался, потом, решившись, тряхнул кудлатой головой:

– Сдается мне, Никитыч, «наши»… ну, которые байдары угнали… напали на тех, других…

– Понял, – перебил его Тараканов и обратился к команде. – Давайте подмогнем тем, кто послабже, заедино с ворами посчитаемся. Глядишь, и друзей обретем. А? Согласны, ли чё ли?

Возражений не было. Приготовили ружья, заряды к ним, и Парфен повел отряд к месту сражения.

Бой уже, можно сказать, закончился: оставшиеся в живых, залитые кровью шестеро индейцев, разрисованных синей и зеленой краской, держали последнюю оборону, прижавшись спинами к скале, выставив копья и томагавки. Среди них выделялся могучий воин; голова его была повязана сине-зеленой лентой, из-под которой торчали три больших пера тех же цветов, а спину покрывала медвежья шкура, ее когтистые лапы лежали на плечах воина. Раскраску лица и голой груди смазывали кровавые потеки.

«Сине-зеленых» окружали не менее двадцати индейцев желто-красной раскраски, уже знакомой русским по схватке на берегу океана. Они воинственно улюлюкали, пританцовывали и быстро перемещались с места на место, заставляя оборонявшихся обращать внимание то в одну, то в другую сторону.

– Рассредоточивают силы, – громким шепотом сказал Булыгин. – Вот-вот набросятся.

Тараканов оглядел своих, все ли готовы.

– Значится, так, – тоже шепотом сказал он, – по моей команде стреляем, и чтоб ни одна пуля мимо не прошла! И зараз идем в атаку. Драться на смерть, без пощады! Нам терять нечего! Ежели победим, выживем! Поняли, товарищи?

Все вышло, как задумано. Залп из двух десятков ружей скосил больше половины «желто-красных». Оставшиеся не успели опомниться, как были атакованы с двух сторон. Прижатые к скале «сине-зеленые» мгновенно перешли от обороны к нападению и своими копьями и томагавками действовали куда решительнее, нежели неожиданные спасители, выскочившие из кустов с тесаками и ружьями, приклады которых годились в виде дубин.

Через несколько минут все было кончено. Никто из «желто-красных» не спасся бегством, да они и не пытались убежать, сражаясь до конца и не прося пощады.

Байдары, однако, не нашлись: видимо, квилеуты (а «желто-красные» оказались именно квилеутами) отправили их по какому-то из притоков.

Глава 10

Время то же

Индейская деревня состояла из трех-четырех десятков вигвамов, напоминающих четырехугольные юрты, покрытые корьем и шкурами. Похожие Тимофей видел в киргизской степи на пути к Иркутску. Вигвамы окружали холм, на вершине которого стоял столб, поддерживавший чучело огромного бурого медведя, стоящего на задних лапах. Клыкастая пасть медведя была распахнута в беззвучном реве и своим ужасным видом вызывала у впервые увидевшего ее невольную дрожь во всем теле.

Команду Тараканова привели в деревню спасенные индейцы. Их племя называлось «мака» – так сказал сын вождя, тот самый могучий воин в медвежьей шкуре. Его и звали Маковаян, что и означало «Медвежья Шкура».

Объяснились пришлые с аборигенами довольно легко – тут весьма пригодилась Булыгина с ее знанием многих индейских наречий. Узнав, что она из племени тлинкитов, Маковаян почтительно выразил уважение народа мака этому сильному свободному народу и после всячески подчеркивал свое внимание к Анне Петровне. Что, как заметил Тимофей Никитич, вызывало резкое раздражение Николая.

Появление чужих людей привлекло всеобщее внимание: аборигены собрались у реки большой толпой – не меньше полусотни полуголых раскрашенных мужчин в кожаных штанах и густо оперенных шапках. В руках у многих были топорики, копья и луки. Вперемешку с ними толпились женщины в длинных кожаных балахонах, украшенных разноцветными ленточками и кистями, и ребятишки, некоторые совсем голышом, несмотря на то что было уже довольно холодно.

Своих израненных соплеменников индейцы сразу же увели в большой вигвам у подножия холма. Остальные окружили чужаков и стояли плотной стенкой, правда, ни единым движением не выказывая враждебности, – только оживленно переговариваясь между собой. Тараканову жуть как хотелось узнать, о чем они говорят, но Анна Петровна с расстроенно-сердитым видом объяснялась с мужем, и он не стал встревать в их семейный разбор.

Пришлые постояли, переминаясь с ноги на ногу, а потом усталость взяла свое, и они начали садиться прямо на землю. Первым со словами «Ой, ноженьки не держат!» опустился Филя Котельников, за ним – матрос Прохор Жиляков, а там и все остальные. На ногах остались Булыгины и Тараканов. Тимофею Никитичу в рукопашной ловкий квилеут поранил колено, и оно сейчас нестерпимо ныло, однако командиру, как он считал, не пристало себя ронять.

Мака не отличались высоким ростом (сын вождя был, очевидно, исключением), поэтому Тараканов поверх голов увидел, как из большого вигвама вышли спасенные индейцы, а впереди них, рядом с Маковаяном, шел широкоплечий, чуть пониже ростом, человек. В отличие от остальных, он был полностью одет – в штаны и куртку, обвешанные ленточками кожи, – и не босиком, а в обуви, похожей на мягкие сапоги. Большие разноцветные перья украшали его шапку и спускались на плечи. На груди висело несколько ожерелий из клыков – судя по размерам, медвежьих и волчьих. Шаман или даже сам вождь, подумал Тимофей Никитич и внутренне подтянулся.

– Встаньте, робяты. Власть идет.

Команда, недовольно ворча, поднялась.

Индейцы расступились, открывая идущим широкий проход. Те приближались торжественно и неторопливо.

По левую руку от Маковаяна мелкими шажками двигался низкорослый, почти карлик, индеец, одетый… – Тараканов, не поверив, даже мазнул по глазам рукавом кафтана – в английский военный сюртук, полы которого доходили ему до щиколоток.

– Они знать инглишмэнс, – сказал за спиной Тараканова Джон Вильямс.

– Можа, знать, а можа – убивать, – пробормотал Тимофей Никитич.

Они оказались лицом к лицу – трое на трое: вождь (Тимофей в этом был уже уверен), его сын и этот… в сюртуке – с одной стороны, Булыгины и Тараканов – с другой.

Вождь что-то сказал «сюртуку». Тот кивнул и произнес на ломаном английском:

– Вы есть кто?

Вообще-то, пока после битвы шли к деревне, Тараканов с помощью Анны Петровны коротко поведал Маковаяну, кто они и как очутились в дебрях Орегона, но, видимо, по индейским правилам, то же следовало рассказать и вождю.

– Ну, Исакыч, ты, ли чё ли, будешь ответствовать? – Тимофей испытующе посмотрел в глаза штурмана.

Минута была серьезная, можно сказать решающая: от нее зависело будущее команды. Он не ожидал от Николая Исаковича чего-то дельного – уж больно вялым был тот все дни после крушения. Правда, в схватке с квилеутами штурман показал себя неплохим бойцом, – тем не менее байдарщик был уверен, что он откажется, и спросил просто так, из уважения. Но Булыгин вдруг вскинул голову, как норовистый конь, и ответил твердо, разделяя слова:

– Да, позволь уж, Тимофей Никитич, мне.

Тараканов внутренне неприятно удивился столь неожиданной решимости, но виду не подал, по-мужицки поклонился барину и отодвинулся в сторону и чуть назад, уступая законное место командира.

Если бы он знал, что его уважительность и последовавшие за тем действия Булыгина изменят не только судьбу команды «Святого Николая», но и в значительной степени саму историю этих мест, он бы не поверил.

Впрочем, не поверил бы и Булыгин, тем более что и сам не понимал причины, подтолкнувшей его к решительному шагу, – то ли ясно ощутимая, угнетавшая душу отчужденность молодой жены, возникшая после его отказа от принадлежащего ему по праву поста начальника, то ли уязвленное самолюбие образованного дворянина, вынужденно подчинившегося крепостному мужику. Во всяком случае, за прошедшие после крушения дни он успел внушить себе, что Тараканов коварно воспользовался его минутной слабостью. И теперь, вернув свое законное право, Николай Исакович шагнул вперед, потянув за собой жену, и сказал по-английски:

– Мы – русские моряки. Наш корабль потерпел крушение. Нам нужна помощь. Мы ищем друзей.

Тут же последовал вопрос:

– Кто ваш вождь?

– Я – капитан корабля, я – вождь. Меня звать Николай. А это – моя жена Анна. Она может быть переводчиком. – Булыгин взял жену за руку, пожал: – Скажи что-нибудь. Переведи мои слова.

Анна Петровна в разговоре с Маковаяном уже освоилась с языком мака и довольно бойко что-то сказала. Старый вождь кивнул и жестом отправил своего толмача в задние ряды, что тот исполнил с явно обиженным видом.

– Мой сын рассказал, как вы помогли ему в битве с коварно напавшими квилеутами. Мы будем вашими друзьями, – сказал старик. – Мое имя Ютрамаки. – Он ударил правым кулаком себя в грудь, а затем поднял вверх открытую ладонь – видимо, в знак миролюбия – и продолжил: – Я приглашаю русского вождя в свой вигвам для дружеской беседы. Остальные его люди со всем дружелюбием будут приняты в жилищах моего народа.

– Я с великим почтением и благодарностью принимаю твое приглашение, – слегка поклонился Булыгин, – и прошу разрешить сопровождать меня моему помощнику Тимофею, – он показал на Тараканова, – и моему переводчику.

Сын вождя наклонился к уху отца и что-то сказал, старик кивнул.

– Ты можешь взять с собой кого пожелаешь. Жду тебя перед заходом солнца. – Вождь величаво удалился в сопровождении свиты.

– Ну, кажется, договорились, – сказал Николай Исакович Тараканову и не удержался от усмешки: – Выходит, и я что-то могу.

– Могешь, Исакыч. – Голос Тимофея был спокоен, однако Булыгину почудилась ответная усмешка, и он царапнул помощника колючим взглядом. Но тот добавил: – Токо держись сторожко – не попасть бы из огня да в полымя.

Николай Исакович, обернувшись, громко сообщил команде, кучковавшейся в нескольких шагах позади:

– Нас принимают как друзей. Ведите себя прилично и скромно.

Команда зашевелилась, загомонила.

– Мотри-ка, – сказал Прохор Жиляков Фильке Котельникову, – сколь квилеуты их людишек побили, а им хоть бы хны.

– Им ндрав не позволят хныкать перед чужими, – возразил Парфен Кулаков. – Их скво поплачут от глаз подале.

Тем временем индейцы потянули новых друзей к своим хижинам.

– Лучшей было б вместях держаться, – озаботился Тараканов. – Мы знаем, ли чё ли, чё они от нас за дружбу потребуют.

– Чего бы ни потребовали – отдадим все, что имеем, – откликнулся Булыгин.

– Так у нас, окромя ружей, ничё и нету.

– Значит, отдадим ружья.

– Ты рехнулся, Исакыч! Баранов настрого запретил давать индейцам огнестрел.

– Послушай, ты, мужик! Я – начальник, и я решаю, что делать, – прошипел Булыгин и оглянулся на команду. – Ты что, хочешь, чтобы мы от холода и голода Богу душу отдали?

– Ничё такое я не хочу, – угрюмо сказал Тараканов. – А токо без ружей мы не друзьями, а пленными будем. А то и рабами. Небось слыхал, что индейцы пленных рабами делают? А чё с Петровной твоей будет? Отдаст ее вождь кому-нито в жены таку красулю. Вона Маковаян глаз на нее положил…

Анна Петровна в испуге прижалась к мужу – тот погладил ее по плечу.

– Никому тебя не отдам. Жизнь положу, а не отдам. Но сердцем чую: все будет хорошо. Мы им очень нужны.

– Мне б тако чуять, – проворчал Тимофей. – Спору нет, ты ставлен начальником, Исакыч, но я повидал поболе твоего и вот что скажу. Коли уж собрался ружья отдавать, то за половину из них мы можем землицы купить, и немало, да и обустроиться тут. Факторию, ли чё ли, поставить. В устье реки – самое то, – закончил он в раздумье.

«Дружеская беседа» проходила в просторном вигваме Ютрамаки, похожем на шатер, где все стены были увешаны шкурами различных животных. На большие медвежьи за длинным столом уселись: с одной стороны – Ютрамаки и Маковаян, с другой – гости. Русских друзей потчевали горячим, ароматным и сладким травяным напитком со вкусом смородины и жаренным на углях оленьим мясом – с овощами и зеленью. Гости тоже не остались в долгу – выставили две бутылки рома. Однако вождь сам не пил и сыну запретил. Принял ром просто как подарок.

Прислуживали две женщины – пожилая и юная, которая то и дело бросала на Тимофея любопытствующие взгляды, от которых по его спине ползли мурашки. В свои 34 года Тараканов не стремился под венец, запретил себе даже думать об этом, пока не получит обещанную

хозяином вольную, поскольку по российскому закону жена крепостного сама становилась крепостной, а он не желал этого ни одной свободной женщине. Мужик он видный, можно даже сказать красивый, вниманием противоположного пола не обижен, но жениться – упаси Бог! А тут раскосая красавица одним взглядом, как крючком, зацепила сердце и повела куда-то в обволакивающую мглу. Тимофей Никитич даже головой тряхнул, чтобы избавиться от наваждения и слушать, что говорит штурман. Не то по неопытности брякнет что-нибудь, чего потом не расхлебать.

А Булыгин рассказывал, что с ними произошло, сделав упор на том, что преследовавшие их индейцы-квилеуты украли все байдарки, в которых было много подарков, приготовленных для друзей на этой земле. Ютрамаки слушал повествование с невозмутимым видом, но при упоминании подарков оживился и, отставив плошку с напитком, что-то сказал сыну. Тот встал, приложил правую руку к груди и вышел.

– Продолжай, – сказал вождь Булыгину.

Тимофей Никитич ожидал, что штурман, закончив, будет просить убежища на зиму, что, по его мнению, было вполне разумно: за пару зимних месяцев они бы огляделись, прикинули полезность этой земли, а потом уж поторговались с хозяевами насчет покупки. Однако Николай Исакович, видимо, не забыв слова Тимофея про факторию, сразу взял быка за рога.

– Кто хозяин этой реки и берега моря возле ее устья? – спросил он.

Ютрамаки, прищурясь, взглянул на него и ответил не сразу. Снова взялся за плошку – старшая индеанка наполнила ее свежим напитком, – отхлебнул, устремив взгляд черных глаз в пространство перед собой. Потом заговорил медленно, предварительно обдумывая каждое слово:

– Хозяева мы, мака, но квилеуты пользуются тем, что у нас мало воинов, и устраивают набеги на нижнюю часть реки… Им помогли англичане. Очень плохие люди. Они дали квилеутам ганы, огнестрельные трубки, и научили из них стрелять, чтобы квилеуты убивали всех чужих… Англичане убили несколько мака, но мы убили столько же англичан. Скальп за скальп – так учит Великий Дух… Хотя мы не любим воевать. Я слышал, что вы, русские, торгуете с племенами, живущими на полночь от нас и теперь хотите торговать с нами. А я хочу вернуть нашу землю… Если вы мне дадите ваши ганы и поможете против квилеутов и англичан, я продам вам часть земли на берегу, и вы построите факторию, чтобы торговать.

– Ты угадал мои желания, Ютрамаки, – важно произнес Булыгин, уловив момент, когда старый индеец замолчал, прикладываясь к плошке. – Ты – мудрый вождь. Я помогу тебе своими воинами и дам огнестрельные трубки. Мы их называем «ружья». – Анна, старательно все переводившая, слово «ружья» произнесла по-русски. Ютрамаки кивнул: мол, понял. – Две штуки дам. За это ты позволишь нам перезимовать в твоем стойбище и выбрать землю для фактории.

Вождь снова кивнул, видимо, соглашаясь. И тут Булыгина осенило. Тимофей Никитич заметил, как у него заблестели глаза, и он даже нетерпеливо подался вперед, как бы желая перебить речь вождя.

– Остерегись, Исакыч, – вполголоса сказал Тараканов, но Булыгин отмахнулся.

– Но ты, Ютрамаки, не только мудрый – ты можешь стать великим вождем. Когда-то давным-давно далеко отсюда на полдень много-много лет существовал союз ваших народов, который назывался по главному племени империей майя…

Николай Исакович передохнул, и вождь, внимательно слушавший перевод, воспользовался паузой:

– Я знаю народ майя, его земля за землей мешиков.

Ого, подумал Тараканов, который помнил про империю майя из уроков в имении Переверзева, а Ютрамаки-то вовсе и не дикарь: похоже, и географию своих соплеменников знает.

– С моей помощью, – заявил Булыгин, – Ютрамаки Великий должен стать отцом-повелителем всех племен и народов на этой земле, на земле Орегона…

– Понесло тя, ли чё ли? Сдурел, однако! – сокрушенно мотнул головой Тараканов. – Вдругорядь на камни сядешь, капитан.

Штурмана, и верно, «понесло». По какому-то наитию, сам не зная почему, он вдруг расписал, как Ютрамаки – конечно, с помощью русских, – объединит племена, создаст свою империю и не подпустит к морю англичан и других белых грабителей. Говорил горячо, жестикулируя, и чем дальше, тем больше походил на мальчишку, которому вдруг позволили поведать свою заветную мечту. И Тараканов, слушавший вначале с большим недоверием, неожиданно начал проникаться этой невероятной возможностью, и его сердце стало захлестывать внезапно открывшейся перспективой. Перспективой не для индейцев – что они ему, эти индейцы! – а для всей Русской Америки. Другое дело, какими силами за это браться: людей-то из России по всей Америке наперечет, а новым желающим приехать – Баранов говаривал – царь-батюшка ходу не дает…

Ютрамаки выслушал перевод с непроницаемым лицом. Когда русский вождь кончил, утирая лоб, покрывшийся от волнения пóтом, он долго молчал, попивая травяной «чай» из деревянной плошки и снова устремившись взглядом куда-то вдаль, может быть, в будущее. Однако и верно, мудёр мужик, думал Тимофей Никитич, с кондачка не решает. А Исакыч-то, Исакыч, ну, удивил – самую надежную дорожку выбрал: само собой, иметь дело с одним вождем куда как проще, нежели с десятком; у них ведь на каждой речке свое племя со своим языком и своим вожденком. Наконец Ютрамаки вернулся мыслями в настоящее – это стало заметно по его потускневшим глазам – и поставил плошку с остатками напитка на столик.

– Чтобы собрать воедино наших братьев из разных племен, – задумчиво сказал он, – понадобится много лет и много сил. Мне не успеть – я слишком стар, и Великий Дух скоро призовет меня в свой вигвам… Мой старший сын, Маковаян, доблестный воин. Получил просветление на священной горе Такома. Вот он может стать Великим вождем Ютрамаки, если мака выберут его после моего ухода к Великому Духу. Маковаяна знают и уважают многие окрестные племена – и сиксик, и пиеган, и нумину, и кутене, и ковичан, и якима… Даже квилеуты. Поэтому я и послал его за вашими украденными каноэ.

– Это будет его добыча, – переглянувшись с Таракановым, сказал Булыгин. – Там подарки друзьям, подарки вам, доблестные мака.

– А нам лишь отдайте зимнюю одежу, – вмешался Тимофей Никитич, опасаясь, что щедрый командир оставит своих людей без теплых вещей.

– Прошу простить моего помощника за проявленное неуважение. – Булыгин склонил голову и прижал руку к сердцу. – Он выполняет свой долг – заботится о наших воинах.

Ютрамаки впервые внимательно посмотрел на Тараканова, на Булыгину и неожиданно спросил штурмана:

– Твоя скво не бледнолицая?

– Нет, – покачал головой Николай Исакович. – Ее матушка из племени тлинкитов.

– Напомни, как зовут твоего помощника?

Тараканов хотел ответить сам, но Булыгин удержал его за локоть.

– Его зовут Тимофей.

– У него есть скво?

– Нет у меня скво, – сердито сказал Тимофей Никитич, оттолкнув руку Булыгина.

Ютрамаки снова впился в лицо байдарщика черными пронзительными глазами. Тот выдержал, не отвел своего взгляда и внезапно ощутил какое-то шевеление в голове – словно там проросли тонкие побеги и потянулись к старому вождю, с каждым мгновением становясь прочнее и прочнее, а навстречу им спешили столь же прочные нити от головы вождя, черные глаза которого потеплели и стали ярко-коричневыми, в них заплясали искорки. Хотя они вполне могли быть просто отражением огней светильников, развешанных по всему вигваму,

однако Тимофей Никитич неожиданно возникшим непостижимым чувством воспринял их как знак чего-то чрезвычайно важного.

– Ты понравился моей дочери. – Голос вождя, казалось, остался таким же бесстрастным, как и во все время «дружеской беседы», но для Тимофея он звучал совсем иначе – громче и торжественней. – Она хочет, чтобы ты стал ее мужем.

Тараканов после перевода едва не клацнул зубами. «Так эта юная красавица – дочь, ли чё ли, старого хрыча?! И она хочет стать женой русского?!! А он-то сам чего хочет? Или это… с ходу уже сватает ее за меня? – Мысли заметались, задергались, как рыба в сетке невода. – Как объяснить вождю, свободному человеку, что, выйдя замуж за раба, его дочь сама станет рабыней? Вот вздумает Никанор Иванович вернуть меня в Переверзево, и отправят нас как миленьких из Ново-Архангельска в Курск… А коли рыпнемся супротив – в железо́ закуют. Запросто! Тот же друг душевный Ляксандр Андреич и закует. Плакать будет, рыдать – а закует! Потому как закон, а власть закон должна исполнять, иначе какая она власть!.. Хотя… чего это я так спужался… обещал ведь хозяин дать вольную, а он слов по ветру не пущает. Может, бумага та бесценная уже птицей летит по просторам расейским – к Якутску али Охотску… правда, когда еще до Ново-Архангельска доберется – одному Господу Богу ведомо. С другого боку, кто счас скажет, когда мы отсель выберемся, – уж не рано́й весны, это точно!.. Нужно ж, чтоб какая-нито посудина в этот край зашла, да еще и попутной оказалась… А девка-то хороша, ягодка, а не девка! Неужто я и впрямь ей приглянулся? Вот уж чудно так чудно! Что ж, она дожидаться, ли чё ли, будет, пока я вольную получу? Мало ли чего может приключиться! Вон господин Резанов обручился, за разрешением на брак поехал, да и помер по дороге, правитель как раз перед отплытием о том бумагу получил… а Кончита небось ждет-пождет…»

Булыгин кашлянул.

Тимофей очнулся, глянул на вождя, на Булыгина, на Анну и понял, что молчание его слишком затянулось. Впрочем, прямого вопроса и не было… так, косячком… мол, тебя тут кое-кто в мужья хочет… А хочу ли я? Да хочу, конечно, хочу, вот только в толк не возьму, вождю-то это зачем? Однако ж не мальчик я уже, волосья на седину потянуло, а ей, поди-ка, и пятнадцати нету.

– Ну, что же ты молчишь? – прошипел Булыгин краем рта. – Нам же союз предлагают…

Тимофей Никитич удивился:

– Ты, Исакыч, секретничаешь, ли чё ли? Они ж по-русски не кумекают.

– Не секретничаю я, – сердито и уже в полный голос сказал Булыгин. – Я бы на твоем месте долго не раздумывал. Она тебе что, не нравится?

– Да при чем тут… – разозлился было байдарщик, но уловил краем глаза суровое движение бровей вождя и осекся. Помолчал мгновение, опустив глаза и сдерживая неровное сердцебиение, потом поднял голову и снова встретился с Ютрамаки прямым взглядом. – Мне тоже нравится твоя дочь. Пущай будет моей скво, заради вечной дружбы мака и русских людей.

Глава 11

1810 год

Тимофей Тараканов вернулся в Ново-Архангельск весной с промышленными алеутами, юной женой и восьмимесячным сыном Алексеем. Полтора года пробыл он с партовщиками на орегонском берегу. Доставил их на Ситку бриг «Лидия» под командованием шкипера-бостонца[18] Томаса Брауна, который проходил вдоль побережья на север, к проливу Жуан-де-Фука, и случайно обнаружил на дотоле пустынном побережье новый форт. Крепость состояла из двух рубленых домов – один двухэтажный, комендантский, второй служил казармой, – окруженных частоколом с двумя башнями; построили ее, как оказалось, русские на купленной у индейцев земле, и называлась крепость-фактория Александровской, в честь российского императора Александра. Об этом Томасу Брауну поведал за обедом комендант крепости Николай Булыгин. Разговор, в котором принимал участие помощник коменданта Тараканов, велся на английском языке, русские им владели вполне сносно.

– Где вы так научились английскому языку? – поинтересовался Томас Браун, закуривая свою традиционную послеобеденную трубку.

– В нашем гарнизоне есть англичанин, Джон Вильямс, с ним мы и практикуемся, – ответил комендант.

– А жены ваши, как я вижу, языком не владеют? – кивнул шкипер вслед уходящим двум молодым красивым женщинам, креолке и индеанке, которые в молчании провели весь обед.

– Вашим – нет, – коротко ответил плечистый русобородый помощник коменданта.

– А вашим? – с чуть заметной иронией поинтересовался Браун.

– Мы хорошо понимаем друг друга. Лучше, чем вы нас, а мы вас.

– Я вижу, тут у вас много индейцев, выше по склону горы – целая деревня вигвамов, – уклонился от сарказма британец.

– Да, это столичная деревня трех объединившихся племен – мака, квилеутов и якима, резиденция их верховного вождя Ютрамаки, – пояснил Булыгин. – Жена моего помощника – дочь вождя.

– Да-а, похоже, вы, русские, хорошо тут зацепились, – пыхнул трубкой шкипер. – Только знайте: индейцы коварны, им нельзя доверять.

– А мне говорили, что англичане коварны и вам нельзя доверять, – усмехнулся Булыгин. – Так что давайте оставим эти разговоры, мистер Браун. Вы лучше скажите, куда идете. Мне надо отправить на Ситку, в Ново-Архангельск, несколько человек.

– Нет проблем! Хоть весь гарнизон форта! Он у вас, как я вижу, не больше двадцати человек.

– У вас хорошее зрение, мистер. Но вы не можете видеть все… – комендант на секунду запнулся и закончил: – …и всех.

Возвратившись в Ново-Архангельск, Тимофей Никитич первым делом крестил жену и сына, с новокрещеной Еленой Юрьевной тут же и обвенчался, благо отец Герман, последний из валаамских монахов-миссионеров, пребывал в это время на Ситке. Затем, по указанию Баранова, засел за подробный отчет об экспедиции. Трудился в поте лица целую неделю, исписал

[18] С событий в Бостоне (штат Массачусетс) началась Американская революция, приведшая к образованию США. К тому же Бостон в начале XIX века был крупнейшим портом Северной Америки. Поэтому штатовских шкиперов нередко называли бостонцами.

стопу бумаги, а вывод был краткий: чтобы закрепляться на новой территории и расширять ее по мере необходимости, надо увеличивать количество людей, в первую очередь россиян. Александр Андреевич, внимательно изучив отчет, написал и отправил председателю Главного правления Российско-американской компании Михаилу Матвеевичу Булдакову обстоятельное письмо, а тот, в свою очередь, не промедлив ни дня, обратился с прошением к императору Александру Павловичу как покровителю РАК и получил высочайшую аудиенцию.

Государь принял главу Компании, акционерами которой был он сам и члены его семьи, в рабочем кабинете, на первом этаже левого крыла Зимнего дворца. На встречу пригласил графа Румянцева, канцлера и министра иностранных дел, недавно назначенного председателем Государственного совета. Значит, придает соответствующее значение моим предложениям, подумал Михаил Матвеевич, склоняя голову перед молодым царем. А предложения были предельно конкретными: во-первых, расширить в Русской Америке кораблестроение, в том числе и военное – для борьбы с морскими браконьерами и возможными посягательствами на российские владения на тихоокеанских берегах; во-вторых, разрешить Компании приобретение новых территорий для устройства на них торговых факторий и продовольственных хозяйств, дабы свести к минимуму снабжение Русской Америки из России; в-третьих, позволить Компании создавать за свой счет отряды военных волонтеров для защиты вновь приобретаемых территорий и помощи, при нужде, дружественным соседям; в-четвертых, для успешного выполнения предыдущих задач содействовать увеличению в Америке количества россиян за счет ссыльнопоселенцев и свободных добровольцев. Разумеется, все это потребует вложения значительных денежных средств, коих ни у Компании, ни у казны государственной нет, поэтому, в-пятых, необходимо привлечь деньги населения, для чего создать банк и выпустить в продажу облигации…

Белокурый стройный император рядом с седовласым министром казался еще более юным, чем был на самом деле, понимал это и недовольно хмурил рыжеватые брови, слушая доклад директора самой крупной российской компании. Он не сел во главе длинного стола для заседаний, а ходил по кабинету, останавливаясь у каждого из четырех открытых по случаю теплого вечера окон и на мгновение принимая выразительные позы, вероятно, для гуляющих по Дворцовой площади. Похоже, он еще не насладился в полной мере самодержавной властью и потому пользовался каждой минутой, чтобы показать свое величие.

Бедный мальчик, думал Михаил Матвеевич (в то время как язык механически проговаривал выученный наизусть текст), всего девятый год на троне, а уже четыре войны, гора реформ во благо народа и тут, нате вам, я со своими прожектами – какую голову надо иметь, какой ум, чтобы все это охватить и вовремя принять нужное решение! Ну да на то он и помазанник Божий, не нам, поди-ка, чета!

– Что скажете, граф? – обратился Александр Павлович к Румянцеву, когда председатель Главного правления РАК закончил свою речь, растянувшуюся на целых восемнадцать минут (Михаил Матвеевич заметил это по часам, стоявшим в углу кабинета). – А вы, Булдаков, садитесь.

Грузный Михаил Матвеевич с облегчением присел на край стула с мягким сиденьем. Румянцев приподнялся было, чтобы говорить стоя, но император небрежным жестом опустил его на место.

– Ну что я могу сказать, государь… – протянул граф. – Я еще двадцать лет назад поддерживал основателя Компании Григория Ивановича Шелихова в его стремлении закрепить Россию на американских берегах Восточного океана, пока там не объявились конкуренты, а именно Англия, Франция и Соединенные Штаты. Сегодня обстановка усложняется: над Российско-американской компанией нависает угроза со стороны английской Компании Гудзонова залива и Штатов, граница которых весьма приблизилась к океану после покупки у Франции Луизианы…

– Насколько я помню, – прервал министра император, – Штаты хотели купить лишь Новый Орлеан, и у них в Конгрессе многие были против покупки Луизианы. Тем более что Франция сама только-только получила Луизиану от Испании.

– Да, государь, вы совершенно правы. Но одно дело – хотеть, и совсем другое – сделать. Наполеон хотел создать в Америке новую французскую империю, поэтому и заставил Испанию уступить ему Луизиану, этот роскошный праздничный пирог, да вот роток на этот пирог оказался маловат: откусить откусил, а проглотить силенок не хватило, потому и продал его за сущие копейки – по три су за акр. А Штаты не хотели, не хотели, а потом хапнули кусок в два раза больше, чем они сами, и не поперхнулись. Боюсь, у них от такой удачи только аппетит разгорится, и начнут у Испании оттяпывать ломтик за ломтиком, вплоть до Тихого океана. Это ж такой соблазн – развернуть страну аж на два теплых океана! Не то что у России – кругом сплошные льды и снега, болота да тайга!

– Испания, Ваше Величество, там и сопротивляться не сможет, – вставил Булдаков. – Позвольте мне процитировать слова из письма покойного камергера Резанова, коего вы, государь, посылали с особой миссией в те края? – Император согласно кивнул, и Михаил Матвеевич выхватил из папки лист бумаги. – Вот что он писал: «Гишпанцы весьма слабы в краю сем, и ежели б в 1798 году, когда гишпанскому двору война объявлена была, находилась компания наша в соответственных занятиях ее силам, то легко бы частию Калифорнии по тридцать первый градус северной широты до миссии Санта-Барбара воспользоваться можно было и навсегда за собою удержать лоскут сей потому, что из Мексики по самому положению природы никакой бы помощи сухим путем подать им не можно. Гишпанцы при всей плодоносной почве земли сей не пользуются ею ни мало, а подались к северу только для того, чтобы далее обеспечить границы свои…» И вот еще, Ваше Величество, писано им уже по возвращении из Калифорнии: «Были бы люди и способы, то без всяких важных для казны пожертвований весь этот край навсегда России упрочится может… Ежели б ранее мыслило правительство о сей части света, ежели б уважало ее как должно, ежели б беспрерывно следовало прозорливым видам Петра Великого… то утвердительно сказать можно, что Новая Калифорния никогда бы не была гишпанскою принадлежностию, ибо с 1760 года только обратили они внимание свое и предприимчивостью одних миссионеров сей лучший кряж земли навсегда себе упрочили».

– Весьма, весьма патриотично, – заметил Румянцев. – Но что было, то прошло…

– Пройти-то прошло, ваше сиятельство, однако именно прошлое нас учит прежних ошибок не делать, на те же грабли не наступать. Баранов сегодня пишет: солдат у испанцев мало, а местное население их не поддерживает.

– Вот как? Да, в этом что-то есть, – задумчиво произнес граф, – что-то есть…

– Между прочим, испанский король и мне предлагал обменять Калифорнию, Колорадо и оставшиеся части Нью-Мексико и Техаса на два новых линейных корабля, – вдруг произнес император и внушительно посмотрел на министра.

Тот не замедлил откликнуться:

– И что вы решили, государь? – И оглянулся на Булдакова, поймав в глазах председателя отчаянную надежду. Однако ответ Александра Павловича принес ему полное разочарование.

– Меня смутила неравнозначность обмена. Появилось ощущение какого-то подвоха. Возьмут и заявят на весь мир, что Россия вынудила Испанию. Зачем нам с ними ссориться? Корабли мы им и так можем продать.

– А мы и не будем ссориться. – Глаза графа блеснули хитрецой. – В конституции Соединенных Штатов нет положения о приобретении новых территорий, а Конгресс, тем не менее, санкционировал президенту Джефферсону покупку Луизианы. У нас же ни конституции нет, ни Конгресса – все в ваших руках, Ваше Величество, но даже и вам не придется объясняться с Испанией, потому что приобретать земли будет частная компания и защищать их от чьих-либо поползновений будет тоже она. Вон английская Ост-Индская компания покупает и захва-

тывает земли – в той же Индии, – ведет свои войны, и никто пикнуть не смеет против самой Англии. Вам же, государь, нужно сделать лишь несколько распоряжений, причем секретных, по предложениям господина Булдакова…

– Меня смущает пункт об увеличении количества россиян в Русской Америке, – поразмыслив, сказал Александр Павлович. – В отношении ссыльнопоселенцев возражений нет, можно и каторжан туда отправить, а вот «свободные добровольцы» – это кто такие?

– Осмелюсь заметить, Ваше Величество, – подался вперед Михаил Матвеевич, – каторжан туда нельзя ни в коем разе: они же убийцы и разбойники, креста на них нету, сразу же испортят наши отношения с аборигенами, да и попросту сбегут. Нам это надо?

Император в очередной раз остановился у окна, сложил руки на груди и пожевал губами.

– Пожалуй, вы правы. Каторжан отставим. А «свободные добровольцы»?

– Это люди среднего сословия, государь, – купцы, мещане, ремесленники, вольные хлебопашцы…

– А ну как все побегут в Америку?

– Все не побегут, государь. Дорога длинная, тяжелая, пешком не пройдешь, на колесах да по воде – денежки нужны. А денежки подъемные может дать одна лишь наша Компания – так что мы будем брать только тех, кто там пригодится.

– Помнится, батюшка говорил, что ему что-то подобное провидец Авель советовал, да он поостерегся, отложил на будущее. Возможно, это будущее уже подошло… Кстати, о денежках, – оживился император. – Вы, Булдаков, полагаете, что в России найдется много желающих купить облигации вашего банка?

– Опыт европейских банков показывает, Ваше Величество, что желающих будет много. Мы выпустим облигации разного достоинства, чтобы всяк, имеющий хотя бы полтину свободных денег, мог обзавестись облигацией, чтобы получить свой процент.

Чистое белое лицо императора омрачилось.

– Вы собираетесь оплачивать проценты по облигациям из прибылей Компании? А как же акционеры? Они потеряют свои дивиденды!

– Что вы, Ваше Величество! Как можно! Если вы утвердите наши предложения, это позволит значительно увеличить прибыли Компании – и по добыче пушнины, и по сохранению ее, и по прямой торговле. Мы сможем остановить хищническое уничтожение морского зверя, которого становится все меньше и меньше. Все меры вкупе принесут двести, а то и триста процентов к тому, что имеем сегодня, и часть этих средств, причем не сразу, а года через два-три, можно будет пустить на выплаты по облигациям…

– Ну, хорошо, хорошо, я понял, – раздражаясь от обилия экономических подробностей, остановил Михаила Матвеевича император. – Что вам еще нужно помимо уже сказанного? Ведь вам наверняка что-то нужно еще?

– Им нужно то, чего они не смогут сами произвести в тех краях, – ответил за Булдакова граф Румянцев. – По крайней мере, пока не могут. В первую очередь оружие: пушки, ружья, пистолеты, ну и, разумеется, порох, ядра, свинец для пуль. Далее – станки и инструменты: пилы там, топоры всякие разные… Железо, стекло… Это надо доставлять отсюда на кораблях.

– Да, – подхватил глава Компании, – наши кругосветники, Крузенштерн и Лисянский, доставили кое-что необходимое, спасибо им!

– Это нам с графом спасибо, – брюзгливо сказал Александр Павлович. – Это мы оплатили их кругосветное плавание: я – «Надежду» Крузенштерна, а граф Румянцев – «Неву» Лисянского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.